

ПЕНЕЛОПА ДУГЛАС

18+

ПАНК 57

Иногда она бывает моим ночным кошмаром,
и все же это лучше любого прекрасного сна.

Пенелопа Дуглас
ПАНК 57
Серия «Ночь дьявола»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38611887
ПАНК 57: АСТ; М; 2023
ISBN 978-5-17-155674-7

Аннотация

Миша и Райен – лучшие друзья по переписке, которая началась семь лет назад и теперь необходима обоим, как воздух. Для их дружбы существует только три ограничения: никаких социальных сетей, никаких телефонных звонков и никаких фотографий. Так продолжается до тех пор, пока один из них не решается нарушить эти простые правила. Знакомство в реальной жизни приносит разочарование. Неужели на этом их дружба закончится?..

Содержание

Плейлист	5
Глава первая	6
Глава вторая	40
Глава третья	75
Глава четвертая	100
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Пенелопа Дуглас

ПАНК 57

© 2016 by Penelope Douglas

© Е. Вительс, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

В книге упоминается соцсеть метаплатформы Meta Platforms Inc, Facebook, деятельность которой запрещена на территории РФ.

* * *

*Клэр и Бендеру,
что бы ни случилось в понедельник утром...*

Плейлист

Theory – of a Deadman – “Bad Girlfriend”

Linkin Park – “Bleed It Out”

P!nk – “Blow Me (One Last Kiss)”

Halsey – “Colors”

All-American Rejects – “Dirty Little Secret”

Atreyu – “Do You Know Who You Are?”

Bring Me the Horizon – “Happy Song”

Tiffany – “I Think We’re Alone Now”

Eminem – “Lose Yourself”

Eminem – “Love the Way You Lie”

White Zombie – “More Human than Human”

Staind – “Mudshovel”

Avril Lavigne – “Sk8er Boi”

Breaking Benjamin – “So Cold”

Ghost – “Square Hammer”

Garbage – “Stupid Girl”

Bring Me the Horizon – “True Friends”

Fort Minor – “Where’d You Go”

Taylor Swift – “Wildest Dreams”

Глава первая

Миша

Дорогой Миша!

Я когда-нибудь рассказывала тебе свой постыдный секрет?

Нет, я не смотрю «Дочки-матери». В отличие от тебя. И только попробуй сказать, что это не так. Я прекрасно знаю, что тебя не заставляют сидеть перед телевизором вместе с сестрой, чувак. Она уже достаточно взрослая, чтобы смотреть его в одиночку.

Нет, моя тайна гораздо страшнее, и я даже немного стесняюсь тебе о ней рассказывать. Но, думаю, отрицательным эмоциям тоже нужно давать выход. Могу я разок такое себе позволить?

Видишь ли, у нас в школе есть одна девочка. Такие есть в каждой школе. Чирлидерша, очень популярная, ей все легко дается... У нее есть все, чего только можно пожелать. Мне стыдно в этом признаться, тем более тебе, но когда-то, очень давно, я хотела оказаться на ее месте.

И в глубине души до сих пор хочу.

Ты бы ее возненавидел. У нее есть все качества, которые мы с тобой на дух не переносим. Надменная, легкомысленная гадина. Из тех, что вообще ни о чем не думают, а если и думают, то не дольше пары минут, потому что мозг не выдерживает

нагрузки, понимаешь? Несмотря на все это, я всегда ею восхищалась.

И не надо закатывать глаза (я знаю, ты именно так и сделал).

Просто... несмотря на все ее отвратные качества, она никогда не бывает одинока. Понимаешь?

Я ей в каком-то смысле даже завидую. Если начистоту, я правда сильно завидую этой ее способности.

Чувствовать себя одинокой дерьмово. Быть там, где полно людей, и ощущать, что они не рады твоему присутствию. Чувствовать себя незванным гостем. Когда никто даже имени твоего не знает и не хочет знать. Никому нет дела.

Когда не перестаешь задавать себе вопросы: «Они надо мной смеются? Обсуждают меня? Насмехаются надо мной, будто их идеальный мир был бы гораздо прекраснее, если бы я не маячила перед глазами и не портила вид? Может, они все только и ждут, что я пойму намек и отправлюсь восвояси?»

У меня часто возникают такие мысли.

Я знаю, что это жалко – идти на поводу у общественного мнения. И еще я знаю, что ты скажешь: лучше быть одинокой, оставаясь собой, чем кого-то из себя строить ради того, чтобы вписаться в коллектив, хотя... Мне это на самом деле нужно, я все время так чувствую.

У тебя никогда не было такого ощущения?

Интересно, а у чирлидерши оно бывает? Когда

музыка замолкает и все расходятся по домам? Когда день подходит к концу и рядом нет никого, чтобы ее развлечь? Может, когда вместе с макияжем она смывает дежурную улыбку, на свет выходят ее надежно спрятанные демоны, – чтобы поиграть с ней, потому что больше не с кем?

Думаю, нет. Нарциссам неведома неуверенность в себе, так ведь?

Как им удобно жить.

Телефон на приборной панели вибрирует, заставляя меня оторваться от письма Райен и прочитать входящее сообщение.

Проклятье. Я сильно опаздываю.

Ребята уже беспокоятся, куда это я запропастился, а я все еще в двадцати минутах езды от склада. Почему я не стал «невидимым» басистом, который никому неинтересен и на которого никто никогда не обращает внимания?

Я снова вчитываюсь в слова Райен, раз за разом прокручивая в голове последнее предложение. *Когда вместе с макияжем она смывает дежурную улыбку...*

Пару лет назад я впервые прочитал это письмо, и эта фраза меня поразила. С тех пор я перечитывал ее сотни раз. Как ей удалось так коротко и емко выразить мысль?

Вернувшись к письму, я дочитываю его до конца, прекрасно зная, что будет дальше. Мне нравится, как она ко мне относится и что она заставляет меня улыбаться.

Хотя что уж там... Я только что решила отдохнуть от «Фейсбука» и теперь чувствую себя гораздо лучше. Не знаю, когда я успела превратиться в такую идиотку, но рада, что ты готов с этим мириться.

Так что продолжим.

И дабы внести ясность в предмет нашего последнего спора, Кайло Рен¹ никакой не плакса. Ясно тебе? Он молод, импульсивен, да еще и родственник Энакина и Люка Скайуокеров². Разумеется, он иногда жалуется на жизнь!

Что здесь удивительного? И он искупит свою вину, зуб даю. Можем поспорить. Только придумай, на что.

Ладно, мне пора. И да, отвечая на твой вопрос. Тот текст, что ты прислал мне в прошлый раз, – это просто здорово. Продолжай над ним работать. Не могу дождаться, когда прочитаю песню целиком.

Доброй ночи. Молодец. Спи крепко.

Наверное, я допишу тебе утром.

Райен

Отсылка к «Принцессе-невесте» заставляет меня усмехнуться. Она уже семь лет заканчивает письма этой фразой.

¹ *Кайло Рен* (англ. Kylo Ren) – вымышленный персонаж фантастической саги «Звездные войны». Основной антагонист в седьмой и восьмой частях одноименного фильма, где его играет актер Адам Драйвер.

² *Люк Скайуокер* (англ. Luke Skywalker) – один из главных персонажей вселенной «Звездных войн», джедай, сын сенатора с Набу Падме Амидалы Наберри и рыцаря-джедая Энакина Скайуокера.

Первый год мы писали друг другу, потому что пятиклассников заставляли этим заниматься. Учеников и учениц из наших двух классов объединили в пары, и мы должны были переписываться.

Но когда учебный год закончился, мы не прекратили писать. И, несмотря на то, что живем в каких-то жалких пятидесяти километрах друг от друга, а теперь еще и «Фейсбук» есть, мы продолжаем переписываться по старинке. В этом есть что-то особенное.

И я тоже не смотрю «Дочки-матери». Это моя семнадцатилетняя сестра их смотрит, а я просто втянулся, да и то смотрел всего один раз. Не знаю, зачем я рассказал об этом Райен. Я же прекрасно знал, что нельзя давать ей повод надо мной смеяться, черт возьми.

Я аккуратно складываю письмо. Черная бумага так протерлась на сгибах, что, наверное, порвется, если я разверну его, чтобы прочитать еще раз. За последние годы в наших письмах многое изменилось. Темы, которые мы обсуждаем, то, о чем спорим, почерк... От крупных, еще не оформившихся букв, выходивших из-под пера девочки, что едва научилась писать прописи, до уверенной, четкой руки молодой женщины, которая знает, кто она такая.

А вот бумага осталась неизменной, как и ее ручка с серебристыми чернилами. Замечая в горе писем на кухонном столе черный конверт, я всегда ощущаю приличный выброс адреналина.

Убрал письмо в бардачок, к остальным любимым письмам Райен, я беру ручку и заношу ее над лежащим на коленях блокнотом.

– А ну смелей, покрась глаза и губы, – шепчу я себе под нос, выводя на бумаге слова. – Заклей все трещины, замажь морщины.

Задумавшись, я останавливаюсь, закусываю нижнюю губу и играю зубами с пирсингом.

– Еще б расправиться с мешками под глазами, – бормочу я, прокручивая в голове текст, – и щеки нарумянить, чтобы врать и не краснеть.

Я быстро записываю слова, хотя в темноте машины мои каракули почти не видны.

И снова вздрагиваю от пиликанья телефона.

– Уговорили, – ворчу я, мечтая, чтобы сообщения перестали приходить.

Неужели ребята не могут и пяти минут без меня продержаться на собственной вечеринке?

Я снова заношу над бумагой ручку, но останавливаюсь и напрягаю память. Что там, черт возьми, было дальше? *Еще б расправиться с мешками под глазами...*

Зажмурившись, я снова и снова повторяю в голове эту строчку, пытаюсь вспомнить продолжение.

А потом разочарованно вздыхаю. Черт, забыл.

Вот проклятье.

Я надеваю на ручку колпачок и швыряю ее вместе с блок-

нотом на пассажирское сиденье своего «форда раптор».

А потом задумываюсь над ее последней фразой. *Придумать, на что поспорим, да?*

А как насчет телефонного разговора, Райен? Как насчет того, чтобы дать мне послушать твой голос?

Но нет. Райен нравится поддерживать статус-кво. В конце концов, у нас все хорошо. Зачем что-то менять, если для этого придется рискнуть дружбой?

Думаю, она права. Что, если очарование писем испарится, как только я услышу ее голос? Сейчас все мое представление о ней строится исключительно на ее словах. Стоит услышать, каким тоном она их произносит, и все непоправимо изменится.

Но что, если голос мне понравится? Что, если ее смех в трубке или дыхание зацепит меня так же сильно, как ее слова, или даже еще сильнее?

Ведь я уже просто одержим нашей перепиской. Именно поэтому я сижу в машине на пустой парковке и перечитываю старые письма одно за другим. В них я черпаю вдохновение для своих песен.

Она моя муза и, думаю, об этом знает. Я доверяю ей настолько, что присылаю свои тексты и прислушиваюсь к советам.

Телефон звонит снова. Я опускаю глаза и вижу на экране имя: Дейн.

Тяжело вздохнув, снимаю трубку.

– Чего тебе?

– Где ты?

– Еду.

Завожу машину и переключаю передачу.

– Нет, ты сидишь на какой-то парковке и пишешь песню, разве не так?

Я закатываю глаза, отключаюсь и бросаю телефон на пассажирское сиденье.

За рулем мне лучше думается. И не надо меня подгонять. Потому что я ничего не могу сделать, когда в голову приходит идея.

Выехав на улицу, я набираю скорость и направляюсь в сторону старого склада за городом. Наша группа проводит там что-то вроде квеста, чтобы заработать деньги на летний тур. Я думал, что нам достаточно всего-навсего дать пару концертов, может, объединившись с другими местными группами. Но Дейн говорит, что-то необычное поможет нам привлечь больше публики.

Поживем – увидим, прав ли он.

Февральский холод пробирает даже сквозь толстовку. Я включаю печку и зажигаю фары. Дальний свет разрезает ночную тьму.

Эта дорога ведет в Фэлконс Уэлл. Там живет Райен. Если я проеду склад и поворот к Бухте – заброшенному парку аттракционов – и двинусь дальше, то приеду в ее город. С тех пор как получил права, я не раз боролся с искушением туда

поехать. От любопытства меня так и распирало, но я этого не сделал. Как я уже говорил, не стоит рисковать тем, что мы имеем. Если только она сама этого не захочет.

Я наклоняюсь к пассажирскому сиденью, отодвигаю блокнот и другие бумаги в поисках часов. Оставил их там вчера, когда собирался мыть машину. Это одна из немногих вещей, за которые я несу ответственность. Семейная реликвия или что-то типа того.

Нахожу их и, не отрывая рук от руля, застегиваю на запястье черный ремешок с циферблатом, обрамленным двумя железными скобами. Сначала эти часы принадлежали дедушке, потом он передал их отцу в качестве свадебного подарка, чтобы тот, в свою очередь, подарил их своему первенцу. Что отец и сделал в прошлом году. Тогда-то я и понял, что от дедушкиных часов остался только ремешок, а старинную часть с циферблатом отец потерял. Те самые антикварные часы «Жежер-Лекультр»³, что хранились в нашей семье вот уже восемьдесят лет.

Я обязательно их найду. А пока не нашел, придется ходить с этим куском хлама на дедушкином ремешке.

Пристегнувшись, я перевожу глаза на дорогу и что-то замечаю. Подъехав ближе, вижу фигуру, бегущую по обочине, с хвостом светлых волос, в черной куртке и неоновосиних

³ *Jaeger-LeCoultre* (рус. «Жежер-Лекультр») – производитель швейцарских часов класса люкс. На счету компании также тысячи изобретений, включая самый миниатюрный механизм.

кроссовках. Ошибки быть не может. *Да вы надо мной издеваетесь!* Вашу ж мать.

Свет моих фар озаряет спину сестренки. Она резко оборачивается, замечая, что на этой дороге она не одна. Я делаю музыку потише.

Когда она понимает, что это я, ее лицо расслабляется, и она преспокойно бежит дальше, не снимая своих гребаных наушников. *Отлично ты заботишься о своей безопасности, Энни.*

Притормозив, я опускаю окно со стороны пассажирского сиденья и подъезжаю к ней.

– Знаешь, как ты выглядишь? – Исполненный злости, я наклоняюсь к окну, крепко сжимая ладонью руль. – Как приманка для серийного убийцы!

Беззвучно рассмеявшись, она качает головой и ускоряется, заставляя меня сделать то же самое.

– А ты не думал о том, где мы сейчас? – заявляет она. – На дороге из Тандер-Бэй в Фэлконс Уэлл. На ней никогда никого нет. Я в порядке. – Она поднимает брови. – А ты разговариваешь со мной точно так же, как папа.

Я брезгливо морщусь.

– Во-первых, как минимум на этой дороге есть я, так что она уже не пустая. Во-вторых, не надо упрекать меня в излишней предосторожности только потому, что ты единственная глупышка, которая додумалась устроить пробежку посреди ночи у черта на куличиках, а я не хочу, чтобы тебя из-

насиловали и убили. И, в-третьих, твое замечание неуместно. Я не веду себя как отец, так что не надо больше бросаться такими фразами в мой адрес. Это неприятно. – Затем я кричу: – А теперь залезай в чертову машину.

Она снова отрицательно качает головой. Энни любит дразнить меня. Прямо как Райен.

Энни – моя единственная сестра, а братьев у нас нет. И если не брать в расчет мои далеко не блестящие отношения с отцом, мы с ней неплохо ладим.

Тяжело дыша, она бежит дальше, и я обращаю внимание на ее впалые щеки и появившиеся мешки под глазами. Желание продолжить читать мораль никуда не исчезло, но я принимаю решение его попридержать. Она так много трудится и едва успевает спать.

– Давай-давай, – говорю я ей с растущим нетерпением. – Серьезно, у меня нет на это времени.

– А что ты здесь делаешь?

Я бросаю взгляд на дорогу, чтобы убедиться, что все еще с нее не съехал.

– Сегодня ночью этот дурацкий квест. Мне надо там появиться. А вот ты почему не в парке, на хорошо освещенной дорожке, в поле зрения еще пары десятков таких же бегунов? А?

– Перестань со мной нянчиться.

– Тогда ты перестань делать глупости, – парирую я.

Нет, ну правда, чем она вообще думала? Здесь и днем-то

опасно находиться в одиночку, а ночью – тем более.

Я на год старше нее и в мае оканчиваю школу, но она гораздо ответственнее меня.

Эта мысль напоминает мне еще кое о чем.

– Эй, – недовольно начинаю я, – это не ты случайно вытащила утром шестьдесят долларов из моего бумажника?

Я заметил, что этой суммы не хватает, а ведь я только вчера получил деньги. И я их не тратил. В третий раз наличка из бумажника исчезает в неизвестном направлении.

Она делает глаза как у кота из «Шрека». Знает же, как это на меня действует.

– Мне нужно было закупиться материалами для лабораторной, а ты все равно их не тратишь. Не пропадать же им зря.

Я закатываю глаза.

Она прекрасно знает, что может просто попросить папу дать побольше денег. Энни – его ангел, он даст ей все, что она пожелает.

Но как я могу злиться на нее? Она счастливый ребенок, сходит с ума, делает глупости. И, полагаю, единственное, что я могу сделать, чтобы она стала чуточку счастливее, – это не мешать.

Она улыбается, видимо, заметив, что я смягчился, хватается за раму окна и запрыгивает на подножку у двери.

– Эй, а можешь взять мне газировки? – спрашивает Энни. – *Холодной, как лед*, газировки по пути обратно домой?

Мы оба знаем, что ты там не задержишься дольше пяти минут. Ведь чтобы найти горячую штучку, которая отобьет у тебя желание социализироваться, больше и не нужно, да?

Я усмехаюсь про себя. Вот глупышка.

– Ладно, – киваю я. – Полезай в машину, доедем с тобой до заправки. Что скажешь?

– И карамельки, – добавляет она, игнорируя мое предложение. – И еще что-нибудь пожевать.

А потом она спрыгивает с подножки и устремляется вниз по улице.

– Энни! – Я нажимаю на газ и догоняю ее. – В машину. Сейчас же.

Она смотрит на меня и хихикает.

– Миша, моя машина в двух шагах от нас! – Она показывает вперед. – Сам посмотри.

Внимательно взглядевшись в темную дорогу, я вижу, что она говорит правду. Справа на обочине припаркован синий «миникупер».

– Увидимся дома, – говорит Энни.

– То есть ты закончила пробежку?

– Да-а-а. – Она драматично и явно преувеличенно кивает. – Увидимся, когда придешь домой, хорошо? И не забудь про конфеты и газировку.

Я насмешливо улыбаюсь в ответ.

– Я бы рад, но у меня совсем не осталось денег.

– У тебя остались деньги на приборной панели, – бросает

в ответ Энни. – Не надо делать вид, будто ты не разбрасываешь повсюду сдачу, хотя вместо этого должен убирать ее на положенное место. Могу поспорить, в твоей машине можно сотню баксов насобирать, если хорошенько поискать.

Я фыркаю. Да, я такой. Плохой старший брат, который вечно устраивает бардак и ест на завтрак сырны палочки.

Нажав на газ, я еду дальше. Из-за спины слышится вопль: – И еще чипсы с укропом!

Я вижу ее в зеркале заднего вида: сложила руки рупором и кричит. Дважды нажав на гудок, даю понять, что услышал, и притормаживаю у ее машины.

Через зеркало я вижу, как она качает головой. Намекает, что перегибаю, но понимает, что я не уеду, пока она не сядет в машину.

Извини, Энни, но да. Я не оставлю свою любимую шестнадцатилетнюю сестренку на темной дороге в десять вечера.

Она достает ключи из кармана куртки, открывает дверь, машет мне рукой и садится в машину. Увидев, что она зажгла фары, я снова выруливаю на дорогу и уезжаю по своим делам.

Откинувшись на спинку сиденья, я опускаю педаль газа в пол и несусь по дороге в сторону заброшенного склада. Вскоре машина Энни скрывается из поля зрения, потому что я переезжаю небольшой холмик, и на душе снова начинают скрести кошки.

Энни сама на себя не похожа. Не думаю, что она заболела,

но она такая бледная и уставшая.

Просто поезжай домой и ложись в кровать, Энни. Перестань вставать по утрам в 4.30, пости целую ночь и выступи наконец.

По сравнению со мной она просто идеальная. У нее средний балл 4.14, она звезда школьной волейбольной команды, тренирует команду девочек по софтболу, и это не считая бесчисленных кружков и дополнительных проектов...

Стены моей спальни заклеены плакатами, а между ними черным маркером написаны отрывки из текстов песен.

Ее стены увешаны полками с кубками, медалями и другими наградами.

Вот бы у каждого было столько энергии, сколько у моей сестры.

Свернув на проселочную дорогу, я делаю несколько поворотов подряд. Впереди среди черных деревьев виднеется свет. Прямо передо мной стоит высокое массивное здание. Почти все окна разбиты, так что видны лучи света внутри и тени движущихся людей.

Думаю, раньше здесь делали обувь или что-то типа того, но однажды Тандер-Бэй превратился в богатый, уважаемый район, и производство вынесли за пределы города, чтобы уберечь нежные носы и уши его обитателей от загрязнения и шума.

Костры, вечеринки и «Ночь Дьявола»...

Старый склад хоть почти и превратился в руины, но слу-

жит людям по сей день.

Теперь это территория хаоса, и сегодня ночью она принадлежит нам.

Припарковавшись, я выхожу из машины и запираю двери, больше переживая за сохранность писем от Райен и моих записок, чем о бумажнике.

Оказавшись внутри, я даже не утруждаю себя тем, чтобы оглядеться. Под аккомпанемент песни *Square Hammer* группы Ghost я протискиваюсь сквозь толпу в угол, где сидят остальные ребята. Они всегда занимают именно эти места, когда мы тусуемся на вечеринках.

– Миша! – вскрикивает кто-то.

Я поднимаю взгляд и киваю парню, стоящему с друзьями у колонны, но не останавливаюсь. Кто-то хлопает меня по плечу и здоровается, но я вижу только броуновское движение толпы в свете экранов мобильных, на которые меня снимают со всех сторон, и слышу только смех, перекрывающий музыку.

Видимо, Дейн был прав. Мероприятие проходит на ура.

Ребята оказались именно там, где я предполагал их найти: они сидят на диванах в углу зала. Дейн что-то делает на своем айпаде. Наверно, управляет происходящим через Интернет. На нем джинсовые шорты и футболка, его обычная одежда, которая никак не зависит от температуры на улице. Лотус с собранными в хвост волосами разговаривает с парой девчонок, а Малкольм подносит бонг к губам и поджигает,

свесив темно-русые кудри на лицо так, что они загораживают, без сомнения, красные глаза.

Великолепно.

– Вот я и здесь. – Я наклоняюсь к столу, поднимаю гитарные кабели, один из которых уже плавает в разлитом алкоголе, и бросаю на диван. – Что вы от меня хотите?

– А сам как думаешь? – огрызается Малкольм, наш барабанщик. Выпуская дым изо рта, он кивает в сторону толпы у меня за спиной. – Ты нужен им, красавчик. Не нам, а им. Иди пообщайся с народом.

Я смотрю назад через плечо и корчу рожу.

– Ну уж нет.

Стоять перед ними, петь и играть на гитаре – одно. Это моя работа, и я умею ее делать.

Но это! Развлекать незнакомых людей, чтобы заработать денег? Нам нужны деньги. У меня есть определенные таланты. Но общение с поклонниками в них не входит. Я не общаюсь с ними.

– Я займусь охраной, – сообщаю им.

– Нам не нужна охрана. – Дейн встает с дивана, и его лицо озаряет привычная еле заметная улыбка. – Посмотри вокруг. Все просто великолепно. – Он подходит ко мне, и мы оба поворачиваемся лицом к толпе. – Расслабься и подойди к кому-нибудь. Здесь полно симпатичных девушек.

Я скрещиваю руки на груди. *Может, и так.* Но я сегодня надолго не задержусь. Та песня все еще крутится у меня в

голове, и я хочу дописать ее.

Мы с Дейном смотрим на толпу, и я вижу у людей в руках карточки, которые им выдали на входе. У каждого на карточке свое задание. В этом и заключается квест.

Сделай фото пирамиды из шести человек.

Сфотографируй мужчину с накрашенными губами.

Сфотографируйся, целуясь с незнакомцем.

И еще несколько заданий, пожестче и погрязнее.

«Они должны опубликовать фотографии в “Фейсбуке”, отметив страничку нашей группы, а мы случайным образом выберем победителя, который получит... что-то там».

Нужно было купить билет и прийти на вечеринку, а когда бар наполнился людьми, как мне кажется, уже нет ничего сложного в том, чтобы привлечь народ и сделать необходимое. По идее, бармены должны у всех проверять документы, но я знаю, что всем на это наплевать. В этом городе любой может купить алкоголь и безнаказанно его выпить.

– Ну и как у тебя дела? – спрашивает Дейн. – Опять проблемы с отцом?

– Все нормально.

Он держит паузу. Хочет надавить на меня и выпросить все, но вскоре бросает эту затею.

– Тебе стоило взять с собой Энни. Ей здесь понравилось бы.

– Да ни за что, – смеюсь я и улавливаю запах травки. – Моя сестра неприкосновенна. Понятно тебе?

– Эй, да я же ничего такого не сказал, – прикидывается овечкой Дейн, самоуверенно улыбаясь. – Просто подумал: она так много работает, могла бы и повеселиться немного.

– Повеселиться – да. Но не нажить себе проблем, – исправляю его я. – Энни на правильном пути, и не нужно отвлекать ее всякой чепухой. У нее впереди блестящее будущее.

– А у тебя нет? – с вызовом спрашивает Дейн. Я чувствую на себе его взгляд. Напряжение висит в воздухе. Разве я говорил, что у меня – нет?

Дейн с минуту молчит, видимо, гадая, отвечу ли я, а потом снова меняет тему.

– Ну-ка посмотри сюда, – говорит он, наклоняясь ко мне с айпадом в руках и пролистывая ленту. – Четыреста пятьдесят восемь человек уже выложили фотки. Постят фото и видео, сотни тегов, даже ведут прямые трансляции у себя на страницах...

Это сработало лучше, чем я мог представить. Затея уже давала свои плоды. Количество просмотров наших видео на YouTube за вечер увеличилось в четыре раза.

Я бросаю взгляд на экран и замечаю, что в ленте полно фотографий, подписанных названием нашей группы. Бокалы вздымаются в воздух, девушки улыбаются. Дейн пролистывает новостную ленту дальше, и я вижу, как начинают проигрываться видео со склада.

– Отличная работа. – Я оглядываюсь и смотрю на склад. –

Кажется, мы заработали себе на тур.

Вынужден признать, это его заслуга. Все веселятся, а мы получаем за это деньги.

– Зайди ко мне завтра, – говорю ему я. – У меня есть текст песни, хочу попробовать записать ее.

– Хорошо, – отвечает Дейн. – А теперь сделай одолжение, иди отдохни. А то ты такой серьезный, как на турнире по шахматам.

Я отвечаю хмурым взглядом, забираю у него айпад и со смехом отправляюсь обратно к ребятам.

Лавируя в фотографирующей толпе, я на ходу пролистываю ленту. Попадаются имена многих друзей и одноклассников, что пришли поддержать нас. Я вдыхаю дымок, доносящийся до моего носа, и разглядываю фото какого-то парня с маркерной надписью «*КОНЬ*» вокруг ширинки. Девушка указывает на нее, позируя на камеру и удивленно прикрывая рот рукой. Подпись гласит: «*Я нашла коня!*»

Я смеюсь. Конечно, некоторые задания, такие как «сфотографироваться с конем», невозможно выполнить без определенной доли креатива. А она молодец.

Там огромное количество фото и видео, и я не знаю, как Дейн завтра будет разгребать эти завалы. Хотя, зная его, победитель уж точно не будет случайным, а розыгрыш – честным. Он просто выберет по фото самую симпатичную девушку.

Листая дальше, я натываюсь на видео, и оно само начина-

ет проигрывать: девушка берет барный пистолет, направляет вверх от себя и начинает разбрызгивать воду. Струя поднимается вверх и опускается, как настоящий фонтан.

Она делает несколько эротичных танцевальных движений и смеется в камеру. «Я стою в фонтане!» – объявляет она. Ее грудь чуть ли не вываливается из выреза маечки.

Маечки, которую она надела в феврале в Новой Англии, когда на улице отнюдь не жарко.

А потом один из барменов выхватывает у нее из рук пистолет, возвращает на место и бросает на девушку раздраженный взгляд. Я слышу тихий смех оператора.

Девушка в майке тянется к телефону.

– Да, неловко вышло. Давай сюда. Нужно подредактировать видео, прежде чем выкладывать.

– Ой, какая незадача, – говорит женский голос за камерой. Девушка-оператор пятится.

Но та, что в майке, хватается за нее и визжит:

– Райен!

Затем раздается смех, и ролик заканчивается.

Я замираю, уставившись на экран айпада, и сердце в груди медленно, но верно начинает биться быстрее.

Райен?

Девушку с телефоном зовут Райен?

Нет, это не она. Не может быть. В мире сотни девушек с таким именем. Она бы сюда не пришла.

Но я смотрю на видео. Потом перевожу взгляд на имена

сверху поста. Там проставлены теги группы и еще нескольких человек. Затем я смотрю на имя того, кто выложил видео.

Райен Треверроу.

Я выпрямляю спину и начинаю дышать чаще.

О боже.

Черт! Я моментально поднимаю голову и невольно сканирую глазами толпу. Перехожу от одного лица к другому.

Она может быть любой из этих девушек. Она здесь? Какого черта?

Я снова утыкаюсь в айпад, навожу палец на ее имя и замираю в нерешительности.

Мы знакомы уже семь лет, но я никогда не видел ее лица. Если я найду ее, пути назад не будет.

Но она здесь. Я не могу ее не искать. Особенно когда она находится на расстоянии вытянутой руки.

На моем месте никто бы не удержался.

И мы не договаривались, что не будем искать друг друга на «Фейсбуке». Условились только не общаться в соцсетях. К тому же я знаю, что она меня искала. Может, она ищет меня прямо сейчас, узнав, что я играю в группе, которая организовала это мероприятие. Может, именно поэтому она здесь.

К черту все. Я нажимаю на ее имя и замираю, пока грузится профиль.

А потом вижу ее.

Когда ее фото появляются на экране, внутри все перево-

рачивается, и я перестаю дышать.

Боже.

Худенькие плечи, прикрытые длинными русыми волосами. Чуть вытянутое лицо, полные розовые губы и дерзкий взгляд светло-голубых глаз. Сияющая кожа и великолепное тело.

По крайней мере, на фото все именно так.

Я запрокидываю голову и делаю вдох. *Иди к черту, Райен Треверроу.*

Она мне соврала.

То есть не совсем соврала, но из ее писем у меня сложилось впечатление, что она выглядит совсем не так.

Воображение рисовало девушку-гика в очках и футболке «Звездных войн» с фиолетовыми прядями в волосах.

Я пролистываю фотографии, и на одной останавливается взгляд: изгиб спины в футболке с разрезами – она смотрит в камеру через плечо. Меня сразу бросает в жар. Я бегло просматриваю профиль в поиске подтверждения того, что это не она.

Пожалуйста, пусть это будет не она. Будь просто милой, стеснительной, асоциальной... Такой, какой ты мне нравилась семь лет. Не усложняй все своей сексуальностью.

Но все на месте. Все, что я нахожу, только подтверждает, что это та самая Райен.

Моя Райен.

Отметка геолокации «Галло'с», ее любимой пиццерии,

музыка, которую она слушает, фильмы, которые она смотрит, – и все это добавлено с айфона последней модели. А это ее самый любимый на свете гаджет.

Вот дерьмо.

Я выключаю экран айпада Дейна и начинаю лавировать среди людей, пробираясь сквозь толпу. Холодный воздух потихоньку прогревается. Прохожу мимо еще пяти костров, от которых пахнет жареными маршмеллоу. Из динамиков, расставленных повсюду, доносится музыка, и я сжимаю зубы, пытаюсь успокоить свое сердце.

Подхожу к бару, кладу айпад, разворачиваюсь и скрещиваю руки на груди. *Просто подожду здесь.* Если она пришла посмотреть на меня, она меня найдет. Если нет, тогда... Что? Я так просто возьму и отпущу ее?

– Привет.

Я поднимаю глаза, и сердце делает кульбит. Девушка из видео стоит передо мной, всего в паре метров.

А рядом с ней...

Мой взгляд прикован к Райен, хоть я и знаю, что со мной только что заговорила ее подруга. Плевать. Райен молча стоит рядом и неуверенно смотрит на меня, немного щурясь.

У нее длинные прямые волосы – не кудрявые, как на фото в «Фейсбуке», – и одета она в черную кофту на одно плечо и узкие джинсы, порванные почти в клочья. На бедрах видны полосы голой кожи.

Райен. Моя Райен. Я незаметно сжимаю руки в кулаки,

все мышцы разом напрягаются.

Она ничего не говорит. Она знает, кто я такой?

Я слышу, как закашлялась ее подруга, моргаю, перевожу на нее взгляд и наконец отвечаю:

– Привет.

Девушка с фонтаном вздергивает на меня голову.

– Так вот, мне нужен поцелуй, – она ставит меня перед фактом.

Я дышу чаще, потому что понимаю: рядом Райен. Это не так-то просто.

– Прямо сейчас? – говорю я, замечая, что ее длинные темные волосы рассыпаны по шарфу, который она надела вместе с серой майкой. Да здесь же как в морозильной камере!

Она показывает на свою карточку.

– Да, это мое задание.

Она опускает глаза и рассматривает мою фигуру. Губы растягиваются в улыбке. То есть, как я понимаю, она хочет, чтобы я ее поцеловал?

Она делает шаг вперед, но, прежде чем успевает подойти вплотную, я выхватываю у нее из рук карточку и заглядываю туда.

– Забавно. Не вижу тут ничего подобного, – говорю я, возвращая ее хозяйке.

– Это для нее, – объясняет девушка, покосившись на подругу. – Она такая застенчивая.

– Я привередливая, – вставляет Райен, и я тут же снова

переключаю внимание на нее. Ее легкомысленный ответ меня провоцирует.

Она демонстративно наклоняет голову и заглядывает мне прямо в глаза.

Что она хочет этим сказать? Что я недостойн? Ну-ну... Я сдерживаю улыбку.

– Лайла! – кричит кто-то неподалеку. – О боже, иди скорей сюда!

Подруга Райен поворачивает голову к группе людей слева и начинает хохотать над тем, что они делают. Видимо, она и есть Лайла.

А потом снова поворачивается ко мне.

– Я скоро вернусь. – *Как будто мне есть до этого дело.* – Пожалуйста, просто поцелуй ее. Ей это очень нужно. – Она замечает, что Райен пристально смотрит на нее, и снова обращается ко мне, чтобы пояснить: – Чтобы выполнить квест, я имею в виду.

Хохоча, она уходит. Я почти уверен, что Райен последует за ней, но нет.

Теперь мы только вдвоем.

Меня бросает в холодный пот, я ощущаю на шее его прохладные капли. Я смотрю на Райен. Мы оба застыли в неловком молчании.

Почему она ничего не говорит? Она должна знать, кто я. Конечно, она не в курсе, что я недавно создал группу, потому что я хотел удивить ее настоящей олдскульной демозапи-

сю на выпускной через несколько месяцев. Но в наши дни просто невозможно оставаться невидимым. Наши имена и фотографии есть на странице группы в «Фейсбуке» и напечатаны на флаерах, которые лежат у входа. Она пытается меня одурачить?

Она меняет позу, и я вижу, как медленно поднимается ее грудь. Она так тяжело дышит, будто ждет, что я что-то скажу. Но я молчу. Она вздыхает и опускает глаза на карточку.

– А еще мне нужна фотография того, как я ем что-нибудь с кем-нибудь, как в «Леди и бродяге».

Мои руки по-прежнему сложены на груди. Я смотрю на нее, слегка прищурившись. Она что, собирается и дальше ломать комедию?

– Или, – продолжает она недовольным голосом, видимо, потому что я не ответил, – мне нужно сделать фотографию фотографии фотографии. Что бы это ни значило.

Я молчу, озадаченный тем, что она ведет себя, как будто ничего особенного не происходит. *Семь лет переписки, и вот так ты решила провести нашу первую встречу, мой ангел?*

Она качает головой, давая понять, что это я здесь веду себя грубо.

– Ладно, забей.

Она отворачивается и собирается уйти.

– Подожди! – кричит ей кто-то.

Дейн догоняет Райен, останавливает ее, затем подходит ко мне, ругаясь себе под нос.

– Чувак, почему ты смотришь на нее с таким видом, будто она только что ударила твою бабулю? Черт тебя побери.

Он снова поворачивается к Райен и расплывается в улыбке.

– Привет. Как дела?

Я опускаю глаза, но всего на долю секунды. Она что, действительно представления не имеет, кто я?

Наверное, здесь может быть полно людей, которые о нас даже не слышали. Мы не такие уж большие звезды, а это мероприятие – единственное, что происходит интересного в радиусе восьмидесяти километров. Так почему бы ей не прийти только потому, что больше нечем заняться?

Может, она ни сном ни духом, что прямо сейчас перед ней стоит Миша Лэйр, мальчик, которому она пишет письма с одиннадцати лет.

– Как тебя зовут? – спрашивает ее Дейн.

Она разворачивается и прожигает меня глазами, показывая, что теперь ее есть кому защитить. Спасибо мне.

– Райен, – отвечает она. – А тебя?

– Дейн. – Потом он поворачивается ко мне. – А это...

Я слегка тыкаю его в живот, не давая закончить.

Нет. Это произойдет не так.

Райен удивленно сводит брови. Наверно, думает, что я со странностями.

– Так ты живешь в Фэлконс Уэлл? – продолжает Дейн. Он понял мой намек и меняет тему.

– Да.

Он кивает, и теперь они оба стоят молча и смотрят друг на друга.

– Понятно, а еще... – Дейн хлопает в ладоши, – я слышал, тебе нужно что-то съесть на камеру в стиле «Леди и бродяги»?

Не дожидаясь ее ответа, он заглядывает за барную стойку и залезает в контейнер с украшениями для коктейлей.

Увидев, что он выудил оттуда дольку лимона, Райен морщится.

– Лимон?

– Слабо? – бросает вызов он.

Она качает головой.

– Окей, подожди минутку, – просит она, а я продолжаю смотреть на нее, не в силах оторвать взгляд и пытаюсь осознать, что это та самая Райен.

Тонкие пальцы, что написали мне уже пятьсот восемьдесят два письма. Подбородок, всегда припудренный, чтобы скрыть маленький шрам, который она заработала, когда упала, катаясь на лыжах в восемь лет. Волосы, что она каждый раз собирает в хвост перед сном, потому что нет ничего отвратительнее, чем проснуться с собственными волосами во рту.

У меня было с полдюжины девушек, и каждую из них я знал в десять раз хуже, чем знаю эту.

А она понятия не имеет, что...

Дейн возвращается с деревянной палочкой, на конце которой красуется кусочек поджаренного на костре маршмеллоу.

Он толкает меня в бок.

– Помоги, пожалуйста.

Дейн поворачивается к ней и берет у нее телефон.

– Ты позируешь. А я сделаю фото.

За долю секунды от восторженного взгляда Райен не остается и следа. Она переводит глаза на меня и моментально мрачнеет, потому что ежу понятно, что у нее нет ни малейшего желания есть что-то в стиле «Леди и бродяги» со мной.

Но она не отступает и даже не пытается изобразить застенчивость. Подбежав к стойке, хватая барный стул и встает на подножку, чтобы стать чуть выше. Нет, она не маленького роста, но ощутимо ниже моих ста восьмидесяти трех сантиметров. Наклонившись ко мне, она приоткрывает рот и пристально смотрит мне в глаза. Мое сердце просто выпрыгивает из груди. Я собираю всю волю в кулак, чтобы не дать волю рукам и не дотронуться до нее.

Но она вдруг останавливается.

– Я приближаюсь к тебе с приоткрытым ртом, – диктует она. – А ты должен показать, что жаждешь этого.

И я ничего не могу с собой поделать. Уголки губ изгибаются в легкой улыбке.

Черт, а она сексуальна.

Я не ожидал.

И я сдаюсь. Беру маршмеллоу и открываю рот. Смотрю ей в глаза, мы оба наклоняемся и откусываем по кусочку, замирая, чтобы Дейн мог сделать фото. Она смотрит на меня, и я чувствую ее дыхание на губах в такт тому, как поднимается и опускается ее грудь.

У меня уже горит все тело, а когда она приближается, чтобы откусить еще кусочек, ее губы касаются моих, и я едва сдерживаю стон.

Я отстраняюсь, проглатывая сладость целиком, не разжевывая. *Черт.*

Она жует кусочек маршмеллоу, облизывает губы и слезает со стула.

– Спасибо.

Я киваю и чувствую на себе взгляд Дейна. Уверен, он понимает: что-то не так. Я кладу шпажку на барную стойку и встречаюсь с ним взглядом. Он загадочно улыбается.

Вот зараза.

Ну ладно. Мне понравился маршмеллоу, Дейн. Я бы с ней их еще дюжину съел. Может, сегодня не стоит спешить домой?

Телефон в кармане начинает вибрировать. Я достаю его, вижу на экране имя Энни и сбрасываю звонок. Скорее всего, хочет узнать, куда это я запропастился вместе с ее сладостями. Через минуту ей перезвоню.

– Итак, – говорит Дейн, – все эти фотографии, что ты постишь сейчас у себя на странице... У тебя нет парня, кото-

рый придет за нами ночью за такое, да?

Я напрягаюсь. У Райен нет парня. Она бы мне рассказала.

– Есть, – отвечает она. – Но он знает, что я не стану сидеть на привязи.

Дейн смеется, а я просто стою и внимательно слушаю.

– Нет, у меня нет парня, – наконец всерьез отвечает Райен.

– В это трудно поверить...

– И я не стремлюсь его найти, – обрывает она Дейна. – У меня как-то был один... Вас нужно купать, кормить, выгуливать...

– И что случилось? – спрашивает Дейн.

Она пожимает плечами.

– Я занизила планку. По-видимому, чересчур занизила. С тех пор я стала гораздо разборчивее.

– И хоть кто-нибудь в состоянии пройти твой строгий отбор?

– Есть один. – Она переводит взгляд на меня, потом снова на Дейна. – Но я никогда с ним не встречалась.

Один. Только один парень ей подходит. Она имеет в виду меня?

Телефон снова вибрирует. Я засовываю руку в карман и выключаю звук.

Потом поднимаю глаза и вижу вспышки камер. Народ фотографируется напротив стены с граффити справа.

Я подхожу и беру у нее телефон. Она удивлена. Подходя к ней со спины, я включаю камеру, переключаю на режим

селфи и наклоняюсь, чтобы наши лица вошли в кадр. Но не только они: я делаю так, чтобы в кадр попал еще и парень у нас за спиной, фотографирующий двух девушек на фоне граффити.

– Фотография, – едва слышно говорю я ей на ухо, имея в виду селфи, – фотографии, – показываю на парня сзади на фото, – фотографии. – И я показываю на стену с граффити, напротив которой они стоят.

Она наконец-то расплывается в улыбке.

– Умно. Спасибо.

Я кликаю по фото, сохраняя этот момент в памяти навсегда.

Перед тем как попрощаться и уйти, я жадно вдыхаю ее запах, на долю секунды замерев на месте и улыбнувшись сам себе.

В один прекрасный день, мой ангел, когда мы встретимся снова и детали пазла сложатся у тебя в голове, ты меня возненавидишь.

Райен забирает телефон и медленно удаляется, оглянувшись на меня через плечо, перед тем как раствориться в толпе.

А я уже хочу, чтобы она вернулась.

Я залезаю в карман, достаю телефон и набираю номер сестры. Интересно, она сильно разозлится, если я скажу ей самой идти за чипсами? Потому что, честно говоря, я совсем не уверен, что готов уйти.

Но Энни не берет трубку.

Глава вторая

Райен

Три месяца спустя...

Дорогой Миша!

Что. За. Черт?

Да, ты все правильно понял. Я именно это и сказала. Могла бы еще сказать, что больше не буду писать тебе, но сама знаю, что это неправда. Я не махну на тебя рукой. Не собираюсь сдаваться. Ты заставил меня пообещать тебе это, и я сдержу обещание. Такая вся из себя надежная, несмотря на то, что от тебя уже три месяца ни слуху ни духу. Надеюсь, тебе весело, где бы ты ни был, придурок.

(Но серьезно, не надо оказываться мертвым, ладно?)

Я оставила пометки на текстах песен, которые отправляла вместе с предыдущими письмами. Теперь я жалею, что не сделала копии, потому что иногда появляется ощущение, что я потеряла тебя навсегда... Тогда какой в этом смысл? Эти слова предназначены для тебя, только для тебя одного, и, даже если ты больше не читаешь письма или даже не получаешь их, я чувствую потребность их отправлять. Мне нравится думать, что они рано или поздно найдут своего адресата.

Последние новости: я поступила в колледж. Ну, на

самом деле в несколько. Это забавно. Я так давно мечтала, чтобы все в моей жизни круто изменилось, а теперь, когда я стою на пороге больших перемен, желание убежать от своей обычной жизни, наоборот, сходит на нет. Думаю, именно поэтому люди так долго продолжают страдать и ничего не пытаются с этим сделать, понимаешь? Несчастен ты или нет, проще не выходить из зоны комфорта.

Ты когда-нибудь замечал такое? Как все мы вечно выбираем путь наименьшего сопротивления, хоть и знаем прекрасно: кто не рискует, тот не пьет шампанского? Нам все равно так страшно рисковать!

Если честно, лично я боюсь. Не думаю, что, когда буду в колледже, что-то кардинально поменяется. Я все еще не знаю, чем хочу заниматься в этой жизни. И не стану более уверенной в себе и своих решениях. Я по-прежнему буду дружить не с теми людьми и встречаться с парнями, от которых одни беды.

Так что я была бы очень рада, если бы ты ответил. Скажи мне, что ты слишком занят, чтобы отвечать на мои письма, или что мы уже не маленькие, чтобы быть друзьями по переписке... Но только скажи мне в последний раз, что ты в меня веришь и все будет хорошо. Из твоих уст такое дерьмо всегда звучит правдоподобнее.

Ни капельки по тебе не скучающая
Райен

Р. С. Если только узнаю, что ты забил на меня

из-за машины, девушки или последней серии GTA⁴, я зарегистрируюсь на форумах «Ходячих мертвецов» под твоим именем и буду вести себя как тролль.

Закрыв серебристую ручку, я кладу два листа черной бумаги на подставку для ноутбука и складываю их пополам. Убрал их в такой же черный конверт, беру палочку сургуча и подношу к свечке, стоящей на тумбочке, чтобы сургуч растаял.

Три месяца.

Я хмурюсь. Он никогда еще не молчал так долго. Мише часто нужно побыть одному, и я привыкла, что он может подолгу не отвечать на письма, но в этот раз у него явно что-то случилось.

Сургуч начинает плавиться, я заношу палочку над конвертом и жду, пока он капнет. Задув свечку, беру печать и прижимаю к расплавленному сургучу. Когда я ее отрываю, с обратной стороны на меня смотрит причудливый черный череп.

Мишин подарок. Ему надоела печать Гриффиндора из «Гарри Поттера», которой я пользовалась с одиннадцати лет. Его сестра, Энни, все время смеялась над ним и говорила, что ему приходят письма из Хогвартса.

Так что он прислал мне более «мужественную» печать и велел пользоваться ею и только ею.

⁴ *Grand Theft Auto* – серия мультиплатформенных компьютерных игр, разрабатываемых шотландской компанией Rockstar North.

Я тогда просто посмеялась. *Что ж, ладно.*

Наша переписка началась с ошибки. Учителя в пятом классе объединяли учеников в пары: мальчиков с мальчиками, девочек с девочками – чтобы нам было комфортнее. Его зовут Миша: непонятно, мужское это имя или женское. Меня – Райен, тоже непонятно. Так что его учительница решила, что я – мальчик, а моя подумала, что Миша – девочка.

Сначала мы не очень ладили, но вскоре обнаружилось, что у нас много общего. У обоих рано разошлись родители. Его мама бросила семью, когда ему было два года, а я ничего не слышала об отце с тех пор, как мне исполнилось четыре. Мы оба их почти не помним.

А теперь, когда прошло семь лет и мы уже оканчиваем старшую школу, он стал моим лучшим другом.

Слезая с кровати, я ставлю на письмо сургучную печать и кладу его на стол, чтобы утром отправить. Вернувшись в кровать, складываю канцелярские принадлежности обратно на прикроватную тумбочку.

Выпрямившись, ставлю руки на пояс и нервно вдыхаю воздух.

Миша, куда же ты запропастился? Я тут, между прочим, иду ко дну.

Наверное, я могу загуглить его, если буду слишком сильно переживать, или найти на «Фейсбуке», или приехать к нему домой.

В конце концов, он живет всего в пятидесяти километрах

отсюда и у меня есть его адрес.

Но мы пообещали друг другу этого не делать. Точнее, я заставила его пообещать. Если мы увидим друг друга, увидим дома, где живем, людей, о которых писали, весь построенный нами волшебный мир рухнет.

А сейчас Миша Лэйр со всеми своими недостатками для меня идеален. Он всегда выслушивает, подталкивает к важным шагам, помогает справиться с проблемами и ничего не ждет взамен. Он честен со мной, и мне ничего не нужно от него скрывать.

У многих ли в этом мире есть такой друг?

И как бы сильно мне ни были нужны ответы на вопросы, я не могу так просто сдаться. Мы переписываемся вот уже семь лет. Эта переписка стала частью меня, и я не уверена, что смогу жить без нее. А если я его найду, все безвозвратно изменится.

Нет. Подожду еще немного.

Я смотрю на часы и понимаю, что время пришло. Друзья будут здесь через несколько минут.

Беру из специального углубления в столе кусочек мела, подхожу к стене рядом со входом в спальню и начинаю обводить фотографии, которые я к ней приколола. Их там четыре штуки.

Вот я прошлой осенью в чирлидерской форме в окружении девочек, которые выглядят точно так же, как и я. А вот я прошлым летом в своем джипе с кучей друзей на заднем

сиденье. Я в восьмом классе на школьной дискотеке в стиле восьмидесятых, улыбаюсь и позирую вместе со всем остальным классом.

На каждой из трех фотографий я на переднем плане. Лидер. Выгляжу счастливой.

И еще одно фото, в четвертом классе. Здесь я на несколько лет младше. Сажу одна на скамейке на детской площадке и давлю из себя улыбку ради мамы, которая привела меня в школу на вечер кино. Помню, все остальные дети носились вокруг, но каждый раз, когда я прибежала к ним, чтобы вместе поиграть, они вели себя так, будто меня не существует. Всегда убегали без меня, никогда не ждали. Не хотели брать меня в свои игры, даже разговаривать.

Слезы наворачиваются на глаза. Я протягиваю руку и касаюсь своего лица на фото. Воспоминания так свежи в моей памяти, словно это произошло вчера. Я очень хорошо помню свои чувства. Будто я незваный гость на этом празднике жизни.

Боже, как сильно я с тех пор изменилась.

– Райен! – кто-то зовет меня из коридора.

Я шмыгаю и успеваю смахнуть слезу за секунду до того, как моя сестра распахивает дверь и врывается ко мне в комнату без стука. Закашлявшись, я притворяюсь, что рисую на стене.

– Пора спать, – говорит она.

– Мне восемнадцать, – замечаю я, предполагая, что это

все объясняет.

Я не смотрю на нее, а продолжаю красить нарисованный еще вчера кусочек рамки. Нет, серьезно, что ли? Время десять вечера, а она всего на год старше меня. И я гораздо ответственнее, чем она.

Я чувствую запах ее духов и вижу краем глаза, что ее светлые волосы распущены. *Прекрасно*. Скорее всего, это значит, что к ней скоро придет какой-то парень. Он как раз отвлечет ее, пока я незаметно выскользну из дома.

– Мама писала, – говорит она мне. – Ты доделала математику?

– Да.

– А обществознание?

– Я сделала всю домашнюю работу на завтра, – говорю я. – А докладом займусь в выходные.

– Английский?

– Опубликовала рецензию на «О дивный новый мир» на Goodreads⁵ и отправила маме ссылку.

– И какую книгу ты выбрала следующей? – спрашивает сестра.

Я недовольно смотрю в стену. Белая меловая крошка сыплется на пол.

– «451 градус по Фаренгейту».

Она усмехается.

⁵ Goodreads – интернет-портал, на котором пользователи обмениваются отзывами о прочитанных книгах.

– «Джунгли», «О дивный новый мир», «451 градус по Фаренгейту»... – продолжает она перечислять произведения не из школьной программы, которые мама мне разрешает читать. – Боже, какие скучные книги ты выбираешь.

– Мама посоветовала читать современную классику, – парирую я. – Синклер, Хаксли, Оруэлл...

– Думаю, она имела в виду что-то вроде «Великого Гэтсби».

Я закрываю глаза, запрокидываю голову и издевательски изображаю храп, давая понять, что думаю о ее замечании.

Она закатывает глаза.

– Ты ведешь себя по-детски.

– В чужой монастырь со своим уставом...

Сестра в прошлом году окончила школу, а теперь ходит в местный колледж и по-прежнему живет дома, что очень удобно нашей маме, которая работает координатором мероприятий. Ее часто не бывает в городе: то она на фестивалях, то на концертах, то на выставках. Она не хочет оставлять меня одну.

Но, честно говоря, почему она оставляет Карсон за старшую, ума не приложу. Я гораздо лучше учусь и со мной куда меньше проблем, по крайней мере, насколько им обоим известно.

Плюс сестре только и нужно, чтобы я лежала в кровати и не путалась под ногами. Тогда она сможет спокойно провести время с парнем, который уже в пути сюда и будет с ми-

нуты на минуту.

Как будто я все маме расскажу.

Словно мне есть до этого дело.

– Просто я хочу сказать, – говорит она, уперев руку в бок, – что эти книги только мозги тебе засоряют.

– Ну что ты мне рассказываешь? – подыгрываю я. – Все эти глобальные концепты едва ли уместятся в моем крошечном мозгу. Этого вполне достаточно, чтобы заставить меня почувствовать себя тупой как пробка. – А потом я ее заверяю: – Но ты не переживай. Я обязательно скажу тебе, если мне понадобится помощь. А теперь дай мне поспать мои законные девять часов, пожалуйста. Тренер собирается прогнать с нами утром всю программу.

Она недовольно ворчит и бросает взгляд на мою стену.

– Поверить не могу, что мама разрешила тебе сотворить со своей комнатой такое.

А потом наконец разворачивается, уходит и закрывает за собой дверь.

Я смотрю на стену. С год назад я повесила на нее черную доску, на которой можно писать, рисовать и просто черкать. На ней размашистым почерком написаны тексты Мишиных песен вперемешку с моими собственными мыслями и какими-то каракулями.

Еще к ней приколоты фотографии, плакаты и написано много всего, что имеет для меня какое-то особое значение. Вся моя комната особенная. Это место, куда я никого не при-

вою, особенно своих друзей. Они только посмеются над моими, что уж греха таить, убогими художествами, которые я все равно люблю, и словами, моими и Мишиными.

Я уже очень давно поняла, что не нужно раскрывать свой внутренний мир окружающим. Они любят судить, а когда меня не судят, я чувствую себя счастливее. Есть вещи, которые лучше держать при себе.

Телефон на кровати начинает вибрировать, и я тянусь за ним.

«Мы снаружи», – гласит сообщение.

Тыкая средним пальцем в экран, я набираю ответ: «Буду через минуту».

Наконец-то. Мне просто необходимо поскорее отсюда выбраться.

Отбросив телефон, я снимаю майку и стягиваю пижамные штаны. Все это летит на пол. Подбегаю к креслу и хватаю джинсовые шорты.

Натянув их, надеваю через голову белую футболку, а на нее – серую толстовку.

Телефон снова вибрирует, но я никак не реагирую.

Иду я, иду.

Засунув в карман немного налички и мобильный, хватаю шлепки, открываю окно и выбрасываю их вниз, на землю, через козырек крыльца.

Затем собираю волосы, завязываю их в хвост и вылезаю в

окно. Аккуратно закрываю его, оставляя комнату темной и тихой, будто я там мирно сплю. Неслышно ступая по крыше, подхожу к черной лестнице с боковой стороны дома, спускаюсь на землю, подбираю обувь и выбегаю по лужайке на дорогу, где меня уже ждет машина.

Я открываю дверь.

– Привет, – здоровается Лайла с водительского места, пока я залезаю внутрь. Я оборачиваюсь, замечаю на заднем сиденье Тена и киваю ему.

Захлопнув дверь, нагибаюсь и надеваю шлепки. Я вся дрожу.

– Черт, поверить не могу, что до сих пор так холодно. Тренировка завтра утром будет сушим адом.

На дворе апрель, так что днем воздух прогревается, но рано утром и вечерами температура падает градусов до пятнадцати. Стоило надеть штаны.

– Шлепки? – озадаченно спрашивает Лайла.

– Да, мы же едем на пляж.

– Не-а, – нараспев отвечает Тен с заднего сиденья. – Мы едем в Бухту. Трей что, тебе не написал?

Я смотрю на него через плечо. *В Бухту?*

– Я думала, что они поселили там охранника, чтобы он никого не пускал.

Он пожимает плечами и озорно смотрит на меня.

О-о-окей.

– Ну, если нас поймают, вы двое будете первыми, кого мы

отдадим ему на растерзание.

– Только если мы тебя ему первым не подсунем, – мурлычет Лайла, не отрывая взгляда от дороги.

Тен смеется у меня за спиной, а я качаю головой. Как-то не очень весело. Неприятная сторона лидерства – это то, что всегда есть кто-то, кто метит на твое место. Я-то в шутку это сказала. А вот она, похоже, не шутила.

Лайла и Тен, также известный как Теодор Эдвард Нильсон, – мои, во всех смыслах этого слова, друзья. Мы знаем друг друга на протяжении всей средней и старшей школы, мы с Лайлой обе в команде чирлидеров, и за ними я как за каменной стеной.

Да, иногда они ведут себя неприятно, издают слишком много шума, и мне с ними не всегда комфортно, но я действительно в них нуждаюсь. В старших классах последнее, чего ты хочешь, – это остаться одной. А если у тебя есть друзья – какими бы они ни были, – то появляются кое-какие возможности.

Старшая школа в этом плане похожа на тюрьму. В ней не выжить в одиночку.

– В ногах у заднего сиденья есть кеды, – говорит Лайла Тену. – Будь так добр, передай их ей.

Он наклоняется, продирается через, видимо, гору всякого хлама на полу БМВ девяносто какого-то года, который мама Лайлы отдала ей.

Тен перекидывает один башмак через сиденье, а потом

протягивает мне второй, когда находит.

– Спасибо.

Я беру кеды, снимаю шлепки и начинаю переобуваться.

Закрытая обувь придется очень кстати. В Бухте будет грязно и мокро.

– Жаль, что я не знала заранее, куда мы едем, – озвучиваю я свои мысли. – Взяла бы камеру.

– Кому нужны эти фотографии? – отвечает Лайла. – Лучше найди какую-нибудь темную, незаметную кабинку «Вальса», когда приедем, и позволь Трею показать, что значит быть мужчиной.

Я откидываюсь на спинку сиденья с понимающей улыбкой на лице.

– Думаю, куча девчонок уже сделала это до меня.

Трей Берроуз не мой парень, но ему определенно кое-что от меня нужно. Я уже несколько месяцев держу его на расстоянии вытянутой руки.

У Трея есть, пожалуй, все, что нужно таким старшеклассникам, как мы. Друзья, популярность, весь мир у ног... Но, в отличие от меня, ему это нравится. И это многое о нем говорит.

Он высокомерный болтун с кашей вместо мозгов. А эго у него такое, что сравниться с ним по размеру может разве что его не по-мужски огромная грудь. Ой, простите. Это, кажется, называется *мышцами*.

Я на секунду закрываю глаза и выдыхаю. *Миша, куда же*

ты пропал? Он единственный, с кем я могу выговориться.

– Ну, – медленно начинает Лайла, глядя в окно, – он так и не заполучил тебя, но хочет этого. Правда, он не будет бегать за тобой долго, Райен. Еще немного – и он переключится на кого-нибудь другого.

Это что, предупреждение? Я косо смотрю на нее и чувствую, как сердце начинает биться быстрее.

Что ты собираешься делать, Лайла? Проскользнуть и забрать его прямо из моих рук, если я ему не дам? Радоваться, что я его упустила, когда ему надоест ждать и он захочет затащить в постель кого-нибудь еще? Или, может, он уже с кем-то трахается? Может быть, с тобой?

Я скрещиваю руки на груди.

– Не переживай за меня, – говорю я, включаясь в игру. – Когда я буду готова, он прибежит ко мне как миленький. И неважно, с кем он будет убивать время до того.

Тен на заднем сиденье беззвучно хохочет. Он всегда на моей стороне и даже не догадывается, что я имею в виду Лайлу.

Не то чтобы меня волновало, прибежит ко мне Трей или нет. Но она пытается меня поддеть и сама все прекрасно понимает.

У нас с Лайлой у обеих довольно скверный характер, но это выражается по-разному. Она не может жить без мужского внимания и почти всегда дает парням то, что им от нее надо, путая при этом минутное увлечение с настоящими чув-

ствами. Конечно, она встречается с Джей Ди, другом Трея, но я ни капли не удивлюсь, если узнаю, что она легла и под Трея тоже.

Завоевав парня, Лайла чувствует себя круче всех нас. Они состоят в отношениях с девушками, но все поголовно хотят ее. Такое положение вещей заставляет Лайлу ощущать себя всемогущей.

Но так будет только до тех пор, пока она не поймет, что парни хотят всех подряд, а она так и не сдвинулась с мертвой точки.

А что же не так со мной? Я слабая. Я просыпаюсь утром с единственным желанием: прожить этот день, по возможности не напрягаясь. И неважно, по чьим головам придется пройти ради этого. Этому я научилась немногим позже, чем была сделана та фотография, где я одиноко сижу на скамейке на вечере кино.

Я больше не одинока, но стала ли я счастливее? Вердикт до сих пор не вынесен.

Плоды пожинаешь и так и не знаешь, что сеял лишь то, от чего сам страдаешь.

Я улыбаюсь Мишиному тексту. Он мне как-то его прислал, чтобы послушать, что я скажу. В его песнях глубокий смысл. Или я сама его попросила прислать?

– Терпеть не могу эту дорогу, – говорит Тен. По голосу слышно, что ему не по себе, и я моргаю, возвращаясь из мыслей в реальность.

Поворачиваю голову и смотрю в окно, чтобы понять, о чем идет речь.

Фары нашей машины выхватывают из ночной тьмы кусок дороги. Легкий ветерок треплет листву на деревьях, и это единственный признак жизни на темной трассе, по которой мы едем как в туннеле. Пусто, тихо и такая темнота, что хоть глаз выколи.

Мы на Олд-Пуэнт-роуд, дороге, соединяющей Тандер-Бэй и Фэлконс Уэлл.

Я поворачиваю голову и через плечо смотрю назад, обращаясь к Тену:

– Люди умирают везде.

– Но не в таком юном возрасте, – он нервно ерзает на сиденье. – Бедная девочка.

Несколько месяцев назад бегунью по имени Анастейша Грейсон, на год младше нас, нашли мертвой на обочине этой самой дороги. У нее случился сердечный приступ, хотя я точно не знаю, что именно его спровоцировало. Как уже сказал Тен, когда кто-то умирает в таком юном возрасте, это по меньшей мере необычно.

Я писала об этом Мише, хотела узнать, не знаком ли он с ней, потому что она из его города, но это было в одном из множества писем, на которые он так и не ответил.

Сворачивая направо, на Баджер-роуд, Лайла залезает рукой в бардачок и достает тюбик блеска для губ. Я опускаю стекло и вдыхаю свежий, прохладный морской воздух.

Атлантический океан пока за холмами, но в воздухе уже пахнет солью. Я живу в нескольких километрах от побережья и почти не ощущаю близости океана, но, когда приезжаю на пляж или в Бухту – старый парк развлечений *неподалеку* от пляжа, в который мы и направляемся, – для меня словно открывается совершенно новый мир. Меня обдает соленым ветром, и я уже почти чувствую песок под ногами.

Жаль, что мы едем не на пляж.

– Джей Ди уже здесь, – замечает Лайла, сворачивая на старую, почти заброшенную парковку. В свете ее фар виден темно-синий «джи эм си денали»: стоит как попало на незамеченном островке асфальта. Наверное, разметка, регулирующая, где именно парковаться, стерлась много лет назад.

Сорняки до пояса высотой растут тут и там прямо из асфальта, склоняются на ветру, и только лунный свет дает возможность разглядеть, что находится за разбитыми кассами и входом в парк. В отдалении от нас в темноте возвышаются молчаливые башни и другие постройки. Я замечаю несколько массивных конструкций. Вот эта круглая махина, скорее всего, колесо обозрения.

Я немного поворачиваю голову и вижу, что вокруг разбросано много похожих конструкций, включая каркас старых американских горок, угрожающе нависающий над нами.

Лайла глушит двигатель, берет телефон с ключами, и мы все выходим из машины. Не заходя за ворота и полуразрушенные билетные кассы, я пытаюсь разглядеть, что лежит за

ними в огромном парке развлечений. Но моему зрению доступны лишь темные двери, дюжины углов и бесконечные тротуары. Ветер, гуляющий по разбитым окнам, как будто шепчет что-то.

Здесь достаточно укромных уголков и мест, где можно спрятаться.

Вдруг, неожиданно для самой себя, согревшись, я закатываю рукава толстовки. Почему, черт возьми, мы приехали сюда?

Посмотрев направо, обнаруживаю, что в тени деревьев на краю парковки стоит черный «форд раптор» с тонированными стеклами. Внутри кто-то есть?

По спине бегут мурашки, и я нервно потираю руки.

Может, кто-то из друзей Трея и Джей Ди сегодня приехал на своей машине?

– Ух-ух-ух! – пытается кто-то изобразить сову. Я отрываю глаза от «раптора», и мы все смотрим в ту сторону, откуда доносится голос.

– О боже! – раздражается хохотом Лайла. – Вы, ребята, сумасшедшие!

Я качаю головой, а Тен и Лайла, крича и улюлюкая, бегут к колесу обозрения прямо за воротами. На старых желтых балках метрах в пятнадцати над нами, между кабинками старого колеса, сидят парень Лайлы Джей Ди и его приятель Брайс.

– Вперед, – говорит Лайла, перелезая через ограждение

колеса. – Пойдем посмотрим.

– Посмотрим на что? – спрашиваю я. – На карусели, которые не крутятся?

Она бежит дальше, игнорируя мой вопрос. Тен смеется.

– Пошли.

Он берет меня за руку и тянет за собой.

Я иду за ним. Мы направляемся все глубже и глубже в парк, бредем по широким дорожкам, где когда-то ходили толпы людей. Глазею направо и налево, в равной степени очарованная и напуганная.

Двери, потерявшие половину петель, скрипят на ветру, лунный свет играет на осколках стекла, рассыпанных под разбитыми окнами. Ветер гуляет по детскому паровозу, завывая то в кабине-слоне, то в воздушном шаре. Вокруг глухо и темно. Мы проходим мимо карусели, и я вижу на платформе лужи и грязь, сколы краски на лошадях.

Я помню, как каталась на ней в детстве. Это одно из немногих воспоминаний о папе до того, как он исчез из моей жизни.

Мы идем все дальше в парк. Крики и вопли наших друзей понемногу затихают. Я сбавляю темп: знаю, сколько еще осталось.

Раньше это место было наполнено смехом и радостными криками, а теперь заброшено и медленно разрушается, никому ненужное. И вся радость, которую оно приносило когда-то, тоже забыта.

А ведь с тех пор, как «Бухта приключений» закрыла двери для посетителей, прошло всего-то несколько лет.

Но всеми забытая, заброшенная и отверженная, она все еще здесь. Я делаю глубокий вдох, втягивая запах дерева, влаги и соли. *Всеми забытая, я все еще здесь, я все еще здесь и всегда буду здесь.*

Усмехаюсь про себя. *Вот и текст песни для тебя, Миша.*

Я плетусь следом за Теном и вспоминаю все свои размышления, которые озвучивала другу по переписке, а он превращал их в песни. Если у него выгорит создать группу и прославиться, потребую с него гонорар.

– Как-то грустно, – говорит Тен, проходя мимо игровых шатров и проводя рукой по деревянным прилавкам. – Помню, как приходил сюда. До сих пор осталось чувство, что это все живое.

Ночной ветер гоняет листья по пустынным дорожкам между кассами и палатками с едой, оживляя хоровод воспоминаний в голове. Потоки ветра овевают ноги, пробираются сквозь толстовку, прилипают к телу как вторая кожа, и по шее бегут мурашки.

Я вдруг начинаю чувствовать, что окружена.

Как будто я в самом центре воронки набирающего силу смерча.

Словно за мной наблюдают.

Я скрещиваю руки на груди и стараюсь поскорее догнать Тена.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я, стараясь скрыть, что вся трясусь от страха.

Он тянет дверцу одного из деревянных игровых стендов, она слегка поддается, но полностью все равно не открывается. Ее что-то подпирает.

– Достāju тебе плюшевого медведя, – отвечает он с таким видом, будто я не понимаю очевидного.

– Ты серьезно думаешь, что после стольких лет запустения там внутри еще остались призы?

– Ну, здесь заперто, разве не так?

Хихикнув, я продолжаю смотреть, как он хватается обеими руками за край дверцы и тянет ее на себя.

– Джей Ди, перестань! – раздается вдалеке голос Лайлы, и я поднимаю глаза, чтобы увидеть темные силуэты, взбирающиеся на колесо обозрения.

– Ага! – смеется кто-то.

Тен перестает дергать и пытается понять, что держит дверь, как будто это препятствие можно просто так взять и убрать. А я обращаю внимание на потрепанную и изорванную красно-белую клеенку, закрывающую нижнюю часть прохода.

Слегка пинаю ее ногой, вижу, что она поддается, и указываю на это Тену.

Он останавливается, напрочь забыв о поисках затвора, и задумчиво смотрит на клеенку.

– Так я и знал.

– А теперь иди туда и принеси мне плюшевого мишку, – требую я с улыбкой на лице.

Опустившись на четвереньки, он проползает под клеенкой, что-то бормоча себе под нос.

– Да, ваше высочество.

– Можешь посветить себе телефоном! – громко подсказываю я, когда он исчезает внутри.

– Угу.

Его приглушенный голос изнутри звучит забавно. Из всех, кого в школе я могу худо-бедно назвать друзьями, Тен, пожалуй, ближе всех к настоящему другу. Не такой близкий, как Миша, но все равно. Рядом с ним мне не нужно притворяться.

Единственное, что удерживает меня от того, чтобы окончательно сблизиться с ним и привязаться, – это его дружба с Лайлой.

Если вдруг в моем маленьком, хрупком круге общения произойдут изменения, останется ли он со мной?

Честно говоря, не знаю.

– Тут нет плюшевых мишек! – кричит Тен. – Зато здесь куча всего надувного, типа пляжных мячей!

– Оно все еще надуто? – в шутку спрашиваю я.

Ответа не последовало.

Я наклоняюсь к дверце и напрягаю слух.

– Тен!

В ответ тишина.

Мурашки бегут по коже, я вся вытягиваюсь и снова зову его, на этот раз ощутимо громче.

– Тен, с тобой все нормально?

Но тут вдруг кто-то обхватывает меня за грудь, и я подпрыгиваю, жадно вдыхая воздух. В это время прямо мне в ухо кто-то говорит низким голосом:

– Добро пожаловать на карнавал, малышка.

Пульс отдается в ушах, я дергаюсь в попытках освободиться и вдруг понимаю, что это Трей, приставивший фонарь к подбородку. Подсвечивая лицо снизу, фонарь делает его дьявольскую улыбку еще страшнее.

Вот придурок.

Он улыбается от уха до уха, русые волосы и карие глаза сияют. Опустив фонарик, он бросается ко мне, и я не успеваю даже вздохнуть, как он обхватывает меня, поднимает в воздух и закидывает на плечо.

– Трей! – кричу я. Его плечо больно упирается в живот. – Прекрати!

Он смеется, шлепая меня по попе, и я чувствую, как он проводит рукой вниз по бедру.

– Сейчас же перестань, тупица! – кричу я и колочу его по спине.

Продолжая хихикать, он опускает меня на землю и ставит на ноги, но так и не убирает руку, обвитую вокруг груди.

– М-м-м, иди ко мне, – и он прижимает меня к стене игрового стенда. – Пытаешься дразнить меня, да? – Он водит

обратной стороной ладони по моим голым ногам. – В школу, где я не могу к тебе притронуться, ты надеваешь чирлидерскую мини-юбочку, а сейчас, когда у меня есть такая возможность, ты в шортах.

– И что? – я невольно начинаю кокетничать. – В юбке мои ноги выглядят как-то по-другому?

– Нет, они и так, и так смотрятся великолепно.

Он наклоняется ниже. Я чувствую его дыхание. От него несет пивом. Я вздрагиваю.

– Просто засунуть руку под шорты куда проблемнее.

Он пытается подтвердить слова делом.

Я бью его по руке.

– Видишь ли, дело в том, что... – начинаю я. – *Мальчик* умеет только жаловаться. А настоящий мужчина не дает ничему встать у него на пути. Будь то шорты или не шорты.

Он проходится взглядом по моему телу и снова поднимает глаза.

– Я хочу тебя.

– Да, я знаю, чего ты хочешь.

Трейн уже давно пытается со мной флиртовать, и я точно знаю, что ему нужно. И дело не ограничится ужином или походом в кино. Дай ему палец – он всю руку откусит. Может, мне и не нужно кольцо на пальце, чтобы развлекаться с кем-то в постели, но я не хочу стать очередной строчкой в списке его достижений.

Так что я ему не поддамся, но и отвергать не буду. Мне

известно, что случилось с последней девушкой, которая его отшила.

– Ты ведь тоже этого хочешь, – говорит он, нависая надо мной своими огромными плечами и прижимая широкой грудью к стене. – Да, детка, я гадкий, но я всегда получаю то, что хочу. Это только вопрос времени.

Достаточно беглого взгляда на его огромное эго, чтобы увидеть парня, который нахваливает себя либо из страха, что другие не станут этого делать, либо потому, что ему постоянно надо напоминать себе, какой он классный. Самомнение Трея Берроуза похоже на кирпичный дом, балансирующий на кончике зубочистки.

Что-то касается моей икры. Я опускаю глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как Тен выползает из игрового павильона. Я отхожу с дороги, отталкиваю Трея и замечаю, что Тен держит что-то в руках.

– У меня есть меч, – говорит он, тряхнув перед нами надувной игрушкой.

Трея ухмыляется.

– Да, у меня тоже.

От его грубой шутки становится противно.

Он оборачивается и внезапно замолкает. Теперь все его внимание приковано к колесу обозрения.

Его так легко отвлечь. Ему так легко наскучить.

– Вот что я тебе скажу, – говорю я, обращаясь к Трею, обходя его и взяв Тена за руку. – Я позволю тебе подбросить

Тена до дома.

Трей оборачивается через плечо и смотрит на меня с таким видом, будто я сошла с ума.

– А потом ты сможешь подвезти до дома меня, – заканчиваю я и наблюдаю, как его бровь с интересом ползет вверх.

Мы оканчиваем школу через шесть недель. А его интерес я могу подогревать куда дольше. Я не хочу с ним встречаться, но у меня нет желания проснуться завтра героиней мерзких слухов, в которых нет ни слова правды: они заполонят «Фейсбук» за считанные часы.

Трей Берроуз может быть милым, но и быть сволочью он тоже отлично умеет.

Уголков его губ касается улыбка, и он снова отворачивается.

– Все, что тебе нужно сделать, – это поймать меня. – Я хватаю за руку Тена. – Считай до двадцати.

– Может, лучше до пяти? – смеется Тен, отходя подальше вместе со мной. – А то он не умеет считать до двадцати.

Я чуть живот не надрываю со смеху, но всеми силами стараюсь этого не показывать.

Трей ухмыляется, глядя на меня как хищник на добычу, которую еще не поймал, но ничто его не остановит на пути к этому. А потом открывает рот и медленно делает шаг в нашу сторону.

– Раз...

Мы с Теном разворачиваемся и бросаемся в дальнюю

часть парка.

Смеясь, мы несемся по дорожкам, покрытым толстым слоем мокрых листьев и упавших ветвей, и лавируем между разрушенными павильонами. Пробегаем мимо «Орбиты», «Ниагары» и «Торнадо», где, насколько я помню, играла Def Leppard, когда аттракцион работал.

«Зиппер» все еще на месте, темный и проржавевший. Мы пробегаем его насквозь, цепляя руками холодные ржавые цепи старых качелей. Они гремят, скорее всего выдавая наше местоположение, но я продолжаю бежать за Теном.

– Сюда! – кричит он.

Я вдыхаю полные легкие воздуха и следую за ним. Он ныряет в невысокую постройку – похоже, техническое помещение для сотрудников. Вступая в темноту, я закрываю за собой дверь и вздрагиваю: в нос ударяет затхлый воздух.

Тен достает телефон и освещает фонариком пространство перед собой. Я делаю то же самое. Пол завален мусором и какими-то обломками. Где-то капает вода.

Но у нас нет времени останавливаться и разглядывать обстановку. Тен направляется к чему-то, подозрительно похожему на люк, огибает перила и делает шаг вниз.

Как странно. Лестница ведет под землю, в подвал.

– Прямо туда? – выдыхаю я, застыв у зеленых стальных перил и видя только крошечную тьму внизу. В душу закрадывается страх. По спине бегут мурашки.

– Пошли. – Тен начинает спускаться ниже. – Это всего-на-

всего технический туннель. Они есть во многих парках аттракционов.

Я на секунду замираю. Внизу может таиться все что угодно. Животные, бездомные... может, даже трупы.

– Здесь, внизу, находятся системы управления и контроля над аттракционами и всем остальным. – Тен продолжает спускаться, подсвечивая телефоном путь. – А еще через такие подземные ходы сотрудники могли быстро добираться из одной части парка в другую. Пойдем!

Откуда, черт возьми, он все это знает? Я представления не имела, что под парками развлечений есть подземные ходы.

Но я спиной чувствую угрозу: нас преследует Трей – так что я выдыхаю воздух, обхожу перила и спускаюсь вниз за Теном.

– Здесь, внизу, горит свет, – говорит он, достигнув дна колодца. Я вылезая вслед за ним и выглядываю из-за его плеча, чтобы посмотреть, что перед нами.

Внутри все холодеет. Перед нами длинный подземный ход, со всех сторон отделанный бетоном. Квадратный туннель метра полтора в высоту и ширину. В нем повсюду лужи, видимо, еще не высохшие после дождя или возникшие из-за прорыва трубы, либо соленая вода натекла через трещины в стенах. Лужи мерцают в электрическом свете ламп.

В конце туннеля виднеется только черная пустота. Меня бросает в холод, я дрожу.

– Электричество, наверно, идет от городской сети, – говорю я. – Может, свет тут горит всегда.

Конечно, на самом деле я понятия об этом не имею. И зачем им держать тут свет включенным постоянно? Но когда я вру себе, мне становится немного легче.

Я слышу, как у нас за спиной хлопает дверь, подпрыгиваю от неожиданности, бросаю взгляд вверх, на начало лестницы, и через мгновение уже толкаю Тена в спину, давая понять, что пора бежать.

– Черт, – шепчу я. – Бежим, бежим, бежим!

Мы бросаемся в туннель. Сердце в груди колотится как бешеное. Мы пробегаем какие-то двери и ответвления других туннелей в стенах главного. Я все еще здраво оцениваю ситуацию, хотя, несмотря на страх, на губах появляется улыбка восхищения.

Я не могу избавиться от мысли, что, если бы нас преследовал Миша, он бы за мной не побежал. Но и пари не проиграл бы. Он бы нашел способ перехитрить меня.

Я слышу, как кто-то шаркает у нас за спиной, оглядываюсь через плечо и вижу на лестнице дрожащий свет. Задержав дыхание, хватаю Тена за футболку и затаскиваю в комнату с правой стороны коридора. Двери как таковой там нет, так что мы просто проскальзываем внутрь и скрываемся за стеной, тяжело дыша, но стараясь вести себя как можно тише.

– Осторожнее, детка, – говорит Тен. – Ты ведешь себя так, будто *не* хочешь, чтобы нас поймали.

Да, я не хочу, чтобы нас поймали. Я бы лучше делала восковую эпиляцию, чем дала Трею нас найти. Каждый день. А сразу после этого принимала бы очень горячую ванну с солью.

Не то чтобы меня совсем не привлекает Трей. Он хорошо выглядит и прекрасно сложен, почему бы и нет?

И все же нет. Я не буду одной из его девушек, скачущей по коридорам школы в обтягивающей юбке в ожидании, пока он шлепнет меня по заднице, а его друзья похлопают его по спине, понимая, что я – его последний трофей.

Я отбрасываю волосы назад и начинаю смеяться.

Да ни за что.

Прижав голову к стене как можно плотнее, напрягаю слух и пытаюсь понять, насколько близко он к нам подобрался.

Может, он развернулся и ушел? Или свернул в боковой туннель?

Я щурюсь, услышав еле слышное жужжание снаружи. Такой звук издает комар, летая по комнате.

– Ты это слышишь? – шепотом спрашиваю я у Тена.

В темноте я не вижу его лица, но, судя по всему, он тоже прислушивается. А потом за чем-то лезет в карман джинсов. Через минуту комнату озаряет слабый свет телефона. Я поворачиваюсь и широко открываю глаза от удивления. Перед нами кровать, смятые белые простыни и небольшой столик.

Что за черт?

Тен проходит вглубь комнаты, ближе к кровати.

– То есть здесь все-таки *есть* смотритель.

Вот дерьмо.

– Ну, если он здесь есть, – тихо отвечаю я, подходя к нему поближе и изучая взглядом то, что разбросано по простыням, – почему он не вышвырнул нас отсюда, когда мы только спустились?

Тен поднимает телефон выше и осматривает комнату, а я тем временем рассматриваю вещи на столике и кровати. Вот часы на старом черном замшевом ремне, лежащие на фотографии других часов, почти идентичных этим. На подушке лежит пара книг, а рядом – айпод с подключенными наушниками и тетрадь, а прямо на ней – ручка. Я беру в руки тетрадь, открываю и вижу почерк, вроде мужской.

*Все идет своим чередом,
Пока их подъем твоим крахом не станет.
Столько стараний потрачено зря
Столько страданий потрачено зря.
Дай им насладиться своей правотой,
Пока тебя в землю не закопают.
Не беспокойся о пухлых губах.
Все, что от них останется, – прах.
Я хочу их лизнуть, пока они пахнут тобой.*

Сердце колотится так, будто пытается пробить грудную клетку.

Я хочу их лизнуть...

Черт. Капельки холодного пота стекают по спине: я вдруг представляю губы, которые шепчут мне на ухо эти слова. Никогда не была фанаткой поэзии, но я бы с удовольствием почитала что-нибудь еще из стихов этого парня.

Меня охватывает ощущение дежавю. Я вижу хвосты буквы «у» и резкие углы букв «з», из-за которых они похожи на маленькие молнии.

Как странно.

Но нет, на этих страницах полно писанины, каракуль и зарисовок. Беспорядочное нагромождение всего подряд. И все остальное ни капли не похоже на Мишины письма.

– Ну, – раздается сбоку тихий, неразборчивый голос Тена, – здесь жутковато.

– Что? – переспрашиваю я, отрываясь от продолжения стихотворения и поворачивая голову, чтобы взглянуть на него.

Но он смотрит не на меня. Я гляжу туда, куда он светит, и вижу стену.

Бросив тетрадь на кровать, я слежу за световым пятном от телефона Тена.

Одиночество.

Это написано большими неровными черными буквами, похоже, баллончиком с краской. Каждая буква высотой почти с меня.

– На самом деле жутко, – повторяет Тен.

Я делаю шаг назад, еще раз осматриваюсь в комнате и пытаюсь оценить обстановку.

Да уж. Фото на стенах с закрашенными лицами, непонятные стихи, загадочные грустные слова во всю стену...

И это если не брать во внимание то, что кто-то здесь спит. В этом заброшенном темном туннеле.

Мое внимание снова переключается на тихий жужжащий звук. В поисках его источника я наклоняюсь к кровати. Подняв наушники, прикладываю их к ушам и слышу, что в них играет Bleed It Out.

Черт. Я сразу же бросаю наушники обратно и задерживаю дыхание.

– Айпод включен, – говорю я, выпрямляясь. – Кто бы это ни был, он только что был здесь. Нам нужно уходить. Срочно.

Тен делает шаг в сторону двери, я отворачиваюсь от кровати, но сразу замираю.

Обернувшись, поддаюсь наваждению и вырываю из тетради страницу. Не знаю, зачем она мне, но я хочу ее забрать с собой.

Если этот парень здесь живет, он не будет грустить о пропаже какого-то листочка: у него других забот хватает. А если и будет, то никогда в жизни не узнает, куда он делся.

– Пошли, – я подталкиваю Тена в спину.

А сама складываю страницу и убираю в карман.

Держа перед собой телефоны, мы выходим из комнаты и поворачиваем налево. Но тут же кто-то обхватывает меня руками, и я начинаю кричать. Чьи-то руки сжимают меня так крепко, что я не могу дышать.

– Попалась! – гордо заявляет мужской голос. – Ну что, поехали домой?

Трей.

Извиваясь, я пытаюсь развернуться и вырваться из его объятий. Лайла, Джей Ди и Брайс стоят у него за спиной и смеются.

– Черт! – громко восклицает Тен, тяжело дыша. Его, разумеется, тоже напугало их внезапное появление.

– Вам бы стоило выключить фонарики, – порицает нас Лайла с ухмылкой на лице. – Мы их увидели сразу, как только спустились.

Я прохожу мимо них и направляюсь к лестнице, игнорируя ее комментарий. Если бы мы не разглядывали комнату, наши фонарики *были бы* выключены.

– В любом случае что вы, ребята, здесь делаете? – спрашивает Джей Ди.

– Просто пойдете, – приказываю я, уже теряя терпение. – Нужно выбираться отсюда.

Мы все идем вперед по главному туннелю, и я оглядываюсь через плечо, всматриваясь в темноту и стараясь запомнить, как выглядит вход в комнату, где мы только что были. Но ничего не видно.

Темные углы, тени, редкие блики от наших фонариков на лужах...

Я все еще тяжело дышу, не могу избавиться от жуткого, гнетущего ощущения. Здесь кто-то есть.

– Это не те развлечения, которые я представляла, когда вы предложили поехать в Бухту, – ноет Лайла, ступая по неглубоким лужам.

Я поворачиваюсь и, забыв о своем страхе, лезу по лестнице вверх.

– Спокойно, все хорошо, не переживай, – мямлю я себе под нос, но достаточно громко, чтобы они меня услышали. – Заднее сиденье машины Джей Ди уже совсем рядом.

– О да, – усмехается Джей Ди.

Я борюсь с желанием еще раз заглянуть вниз, в темноту туннеля.

Поднимаясь по ступеням, я по-прежнему чувствую на себе чей-то взгляд.

Глава третья

Райен

– Девчонки, поторопитесь!

Тренер дважды ударяет кулаком по дверям шкафчиков, мимо которых проходит. Девочки вокруг меня хохочут и шепчутся, а я поправляю волосы и собираю их в небрежный высокий хвост.

– Да, я слышала, что они собираются устанавливать камеры, – говорит сидящая на скамейке Кейтлин Стивенс группе девушек. – Хотят поймать его с поличным.

Наношу дезодорант и убираю его обратно в спортивную сумку, а потом проверяю, все ли в порядке с блеском на губах, глядя в зеркало на дверце шкафчика.

Камеры, да? В школе?

Какая прекрасная новость.

Я надеваю верх чирлидерского костюма через голову, поправляю его на груди, одергиваю юбку. Мы набираем в команду новых участниц, потому что многие из нас скоро оканчивают школу, и тренер попросила иногда приходить в школу в форме в надежде привлечь как можно больше новичков.

– Интересно, каким будет их следующий ход, – вступает в разговор другая девушка. – Он все еще водит их за нос.

– Лично я, например, хочу, чтобы так и продолжалось, – добавляет Лайла. – Видели, что он написал сегодня утром?

Все вдруг резко замолкают, и я понимаю, на что они смотрят. Я поворачиваю голову и перевожу глаза на кусок стены прямо над дверью каморки учителей физкультуры. Мягкий поток воздуха из вентиляции треплет большой лист белой папиросной бумаги, криво прилепленный на стену.

Я улыбаюсь про себя. Сердце начинает биться быстрее. Я заканчиваю приводить себя в порядок.

– Не осуждай мастурбацию, – Мел Лонг зачитывает вслух послание, которое, как мы все видели утром перед тренировкой, скрыто под листом папиросной бумаги, – это секс с тем, кого я люблю.

Все начинают хохотать. Держу пари, они даже не знают, что это цитата из Вуди Аллена.

Они обнаружили граффити сегодня утром прямо здесь, в женской раздевалке, и, пока учителя залепляли его бумагой, все успели прочесть, что там написано.

За последний месяц надписи на стенах школы появлялись уже двадцать два раза, сегодня мы увидели двадцать третью.

Сначала они возникали редко, по одной, то тут, то там, но теперь появляются все чаще, почти каждый день, а иногда и по несколько раз на дню. Как будто «маленький Панк», как он (или она) теперь известен, вошел во вкус: врывается ночью в школу и оставляет случайные послания на стенах.

– Ну вот, – я закидываю сумку на плечо и захлопываю дверцу шкафчика, – если во всех коридорах и у каждого входа в школу появятся камеры, уверена, он или она наконец по-

умнеет и перестанет расписывать стены или попадетсЯ. Его дни сочтены.

– Надеюсь, что попадетсЯ, – взволнованно говорит Кейтлин с заинтригованным видом. – Так хочу узнать, кто это!

– Да ну, – возражает Лайла. – Так неинтересно.

Я разворачиваюсь и выхожу из раздевалки. Конечно, нет ничего веселого в том, чтобы Панк попалсЯ. Не будет утренних сюрпризов. Дело уже дошло до того, что, приходя сюда, каждый первым делом считает своим долгом проверить, не оставил ли вандал новое послание. Все думают, что интрига – это весело, так что жизнь в Фэлконс Уэлл станет скучнее без этой загадки.

Иногда сообщения на стенах серьезные.

Я свечусь ярче с каждым днем, а ты не умеешь сиять, дерьмо.

– Панк

И все молчат как рыбы, будто напрочь забывают о загадочном послании, словно оно не стоит их внимания, но ты знаешь, что они весь день не могут выкинуть его из головы.

А иногда послания смешные.

К твоему сведению, твоя мать ни за что не стала бы встречаться с твоим отцом, если бы у нее был шанс сделать этот выбор заново.

– Панк

Над этой надписью все ухохатывались.

Но на следующий день, как я слышала, несколько родите-

лей позвонили в школу, потому что сыновья и дочери устроили им допрос с пристрастием, чтобы проверить, правда ли это.

Послания всегда без подписи и никогда не адресованы кому-то лично, но все стали их с нетерпением ждать. Кто он? Что он напишет в следующий раз? Как ему удастся это сделать, всегда оставаясь незамеченным?

И почему-то они все уверены, что это он, а не она, хотя нет никаких доказательств ни первого, ни второго.

Ореол таинственности уже висит над школой, и я больше чем уверена, что посещаемость резко подскочила, потому что никто не хочет пропустить часть истории. Все хотят наблюдать за ней воочию.

Медленно подходя к своему шкафчику, я бросаю на пол сумку и делаю глубокий вдох. Пока я открываю шкафчик, набирая на замке знакомую комбинацию цифр, у меня сдавливает грудь и дышать становится сложнее.

Я роняю голову вперед, но быстро справляюсь с собой и поднимаю ее снова.

Черт.

Открыв дверцу, я подхожу вплотную к шкафчику, чтобы никто не видел, что я делаю, задираю юбку и достаю из-под пояса эластичных синтетических шорт ингалятор.

– Эй, не одолжишь мне сегодня замшевую юбку?

Я подсказываю на месте, выпуская ингалятор и вытаскивая руку.

Слева от меня стоит Лайла, а по правую руку – Кейтлин и Мел.

Поднимая рюкзак, я достаю из него книги, которые были нужны для домашнего задания, и кладу их в шкафчик.

– Ты имеешь в виду ту самую, дорогущую, ради покупки которой я сдала в секонд-хенд половину своего гардероба? – спрашиваю я, складывая книги на полку. – Да ни за что.

– Тогда я расскажу твоей маме обо всей одежде, что ты хранишь в школьном шкафчике.

– А я тогда расскажу твоей обо всех случаях, когда ты говорила, что переночуешь у меня, а сама пропадала неизвестно где, – парирую я и улыбаюсь, вешая сумку на крючок в шкафчике, а потом поворачиваюсь к Кейтлин и Мел.

Девочки смеются, а я снова разворачиваюсь к ним спиной и достаю альбом по искусству и текст по английскому. Они мне понадобятся на первых двух уроках.

– Ну пожалуйста! – упрашивает Лайла. – У меня в ней такие шикарные ноги.

Я изо всех сил делаю вдох, стараясь наполнить легкие воздухом, несмотря на то, что на них будто давит гирия в пятьсот килограммов.

Ладно, черт с ней. Я готова сделать что угодно, лишь бы она оставила меня в покое. Я залезаю рукой в шкафчик и достаю из самой дальней его части юбку из нежной темной замши на пластиковой вешалке.

И швыряю Лайле.

– Только не вздумай в ней трахаться.

Она довольно улыбается и растягивает юбку, любуясь.

– Спасибо.

Я хватаю пенал, в котором лежит куча карандашей для рисования, и телефон.

– Что у тебя сейчас? – интересуется Лайла, перекинув юбку через локоть. – Искусство?

Я киваю.

– Никак не могу понять, почему ты его не бросишь. Ты же его терпеть не можешь.

Я запираю шкафчик, слышу, как звенит звонок, и вижу, как толпа приходит в движение.

– Уже почти конец учебного года. Продержусь.

– М-м-м, – рассеянно отвечает Лайла. Скорее всего, она не расслышала, что я сказала. – Ладно, пойдемте. – Она поворачивается к Мел и Кейтлин, потом бросает взгляд на меня и отходит назад. – Увидимся за обедом, хорошо? И еще раз спасибо.

Все трое исчезают в глубине коридора, теряясь в толпе учеников. Идут на испанский, сегодня он у них первым уроком. Все куда-то несутся, бегут по лестницам, захлопывают шкафчики, заскакивают в классы... А у меня боль в груди усиливается. Живот уже горит от напряжения, настолько мне тяжело дышать. Я иду по коридору, опираясь рукой на шкафчики, чтобы не упасть.

Встречаюсь глазами с Бренденом Хевиттом, одним из

друзей Трея, улыбаюсь ему на ходу. Вскоре все двери закрываются, а толкотня и болтовня сходят на нет. Мои легкие при каждом выдохе испускают тихий свист, словно у меня в горле маленькие невидимые струны.

Я медленно закрываю глаза и с трудом открываю их, мир вокруг начинает вращаться.

Втягиваю в себя столько воздуха, сколько могу. Никто не видит, как белеют от напряжения мои руки, потому что я изо всех сил прижимаю к себе книги, и никто не знает, что у меня в горле, свистя, летают иглы, как по взмаху волшебной палочки. Я изо всех сил стараюсь не закашляться.

Я прекрасно умею притворяться.

Последняя дверь наконец закрывается. Я быстро залезаю рукой под юбку и вытаскиваю ингалятор, который всегда там спрятан. Подношу ко рту, нажимаю на кнопку и с трудом вдыхаю лекарство. Эта горькая взвесь всегда напоминает мне чистящее средство, которое в моем детстве мама во время уборки разбрызгивала по дому для дезинфекции. Мелкие капли спрея достигают дальней стенки носоглотки и медленно оседают в горле. Прислонившись к стене, я снова нажимаю на ингалятор, увеличивая дозу лекарства, и закрываю глаза, уже чувствуя, как уменьшается давление на грудную клетку.

Вдыхая и выдыхая, я слышу, как пульс отдается в ушах, и ощущаю, что объем легких становится все больше и больше, будто сжимающие их невидимые руки потихоньку ослабля-

ют хватку.

Как же быстро на этот раз случился приступ.

Обычно это происходит на улице или когда я перенапрягаюсь. Каждый раз, как становится тяжело дышать, я убегаю в туалет и достаю ингалятор. Ненавижу, когда приступы случаются неожиданно, как сейчас. Вокруг так много людей, в туалете в том числе. А теперь я еще и на урок опаздываю.

Спрятав ингалятор на место, в шорты, я с удовольствием делаю глубокий вдох и выпускаю воздух, перехватывая книги.

Развернувшись, поворачиваю направо, в соседний коридор, и поднимаюсь по лестнице в кабинет искусства. Это единственный ежедневный урок, от которого я получаю удовольствие, но друзьям вру, что терпеть его не могу. Искусство, группа, театр... Для них все это лишь повод для насмешек, и я не хочу становиться их мишенью.

Осторожно приоткрыв дверь в класс, я вхожу и ищу глазами мисс Тилл, но ее нет в кабинете.

Должно быть, она в лаборантской.

А мне не нужно еще одно опоздание, так что...

Я стремительно пересекаю комнату и направляюсь к своему столу, поднимаю глаза и замираю: Трей сидит, развалившись, за моей партой, на соседнем стуле.

Я чувствую укол раздражения. *Великолепно.*

Видимо, прогуливает химию: он уже завалил ее и теперь должен пересдать, чтобы окончить школу.

Урок искусства – мой счастливый час, а он все портит.

Я слегка вздыхаю и выдавливаю из себя полуулыбку.

– Привет.

Он отодвигает одной рукой стул, расслабленно откинувшись на спинку своего, и пялится на меня, пока я сажусь. Мисс Тилл, наверно, и не заметит, что он не из ее учеников.

– Я тут подумал... – заговаривает Трей, пока все остальные болтают. – Что ты делаешь седьмого мая?

– Хм, – высокомерно начинаю я. Отклоняюсь назад, складываю руки на груди и скрещиваю ноги. – У меня вроде были на вечер какие-то планы, но точно не помню.

Он кладет руку на спинку моего стула и задирает голову, глядя прямо на меня.

– Ладно, как думаешь, сможешь достать платье?

– Ну... – начинаю я и внезапно замолкаю.

В комнату заходит высокий подкачанный парень и направляется к парте рядом с нами. У меня захватывает дух.

Он кажется мне знакомым. Откуда же я его знаю?

У него с собой ничего нет: ни рюкзака, ни книг, ни даже карандаша. Он занимает место за пустым столом, через один от моего.

Я ищу взглядом мисс Тилл, пытаюсь понять, что происходит. Кто бы он ни был, он не из нашего класса, но только что вошел сюда с таким видом, будто делает так каждый день.

Новенький?

Я кошу взглядом влево, разглядывая его. Он расслаблен-

но сидит на стуле, положив одну руку на парту, и смотрит куда-то перед собой. Ладонь покрыта черными пятнами от запястья до самого мизинца. У меня так бывает, когда я рисую и кладу руку на бумагу, и она пачкается в чернилах.

– Эй, – слышу я, как одергивает меня Трей.

Я отвожу взгляд и нарочито закашливаюсь.

– М-м-м, да, уверена, у меня получится.

Он хочет, чтобы я купила платье. Седьмого мая выпускной бал, и меня на него еще никто не пригласил, потому что ходят слухи, что это собирается сделать Трей. А он тянул время, и я уже начала волноваться. Но я хочу пойти на выпускной, даже если и с ним.

Мой взгляд снова соскальзывает на новенького, я смотрю на него краем глаза. Его темно-синие джинсы перепачканы грязью, как пальцы и локоть, но на нем чистая иссиня-серая футболка и довольно приличная обувь. Глаза почти скрыты под густыми ресницами, а короткие темно-каштановые волосы лишь слегка прикрывают лоб. Сбоку в губе кольцо, оно бликует на солнце. Я прикусываю рот, глядя на него и представляя, каково это – иметь пирсинг на губе.

– Может, и укладку сделаешь? – продолжает Трей. – Только оставь волосы распущенными, мне так больше нравится.

Я поворачиваюсь, отрывая глаза от губ новенького, и заставляю себя сконцентрироваться.

Выпускной бал. Мы говорим о выпускном.

– Без проблем, – отвечаю я.

– Хорошо. – Он улыбается и откидывается на спинку стула. – Потому что я знаю одно прекрасное мексиканское местечко...

Он раздражается хохотом, ему вторит его приятель рядом, и я на мгновение смущенно замираю. А, ты подумала, что он собирается пригласить тебя на выпускной бал? Глупая девочка.

Но я не собираюсь дуться на его попытки заставить меня почувствовать себя идиоткой. Моя броня прогибается, но выдерживает удар.

– Ладно, развлекайся дальше. А я пойду на выпускной бал с Мэнни. Правда же, Мэнни? – И я пинаю ножку стула парня, сидящего передо мной, привлекая внимание этого эмокида.

Мэнни Кортес вздрагивает, но продолжает смотреть вперед, не обращая на нас внимания.

Трей с приятелем всюю хохочут, но теперь поводом для смеха становится бедный парень, и я довольна, что отвлекла от себя их внимание.

Но есть и другие чувства: ощущение вины, отвращение к себе, жалость к Мэнни и укол совести из-за того, что я сейчас его использовала...

Зато я отвлекла и насмешила Трея, и теперь Мэнни и весь стыд, что я чувствую, не имеют никакого значения. Я смотрю на ситуацию свысока. Стыд никуда не делся. Но это как наблюдать за муравьями с самолета. Я в облаках, чересчур высоко, чтобы меня волновало то, что происходит на земле.

– Да, Мэнни, ты идешь на выпускной с этой девушкой? – насмехается Трей, пиная его стул, как это только что сделала я. – А? А? – Потом он поворачивается ко мне. – Не-а, я даже не уверен, что он предпочитает девушек.

Я выдавливаю из себя слабую улыбку, качаю головой и надеюсь, что сейчас он наконец замолчит. Мэнни сыграл свою роль, цель достигнута. Я не хочу, чтобы ему досталось.

В Мэнни сорок килограммов максимум, его волосы такие черные, что отливают синевой, а лицо настолько гладкое и бледное, что в определенной одежде он легко сойдет за девушку. Подводка, черный лак для ногтей, узкие джинсы, грязные потрескавшиеся конверсы... Все как по учебнику.

Мы с ним ходим в одну школу еще со времен детского сада, и у меня до сих пор хранится ластик в форме сердечка, который он подарил мне на День святого Валентина во втором классе. Я была единственной, кому он вообще хоть что-то подарил. Никто об этом не знает, и даже Миша не в курсе, почему я так трепетно храню ластик-сердечко.

Я поднимаю глаза и вижу, что он сидит на своем месте и молчит. Под черной футболкой он весь напрягся, но не двигается с места, склонив голову, и, наверно, надеется, что больше никто ничего не скажет. А может, думает, что если будет сидеть тихо и неподвижно, то снова сможет стать невидимым для всех. Мне знакомо это чувство.

Но что-то в груди слева неприятно ноет, и я бросаю взгляд на новенького парня. Он все еще смотрит прямо перед со-

бой, но теперь нахмурил брови и напрягся, как будто злится на что-то.

– Нет, серьезно, – обращается ко мне Трей, и я с неохотой снова поворачиваюсь к нему. – Выпускной бал. Я приеду за тобой в шесть. Лимузин, ужин, мы заедем на танцы... И ты моя на всю ночь.

Я киваю, едва слушая, что он там говорит.

– Ладно, давайте начинать, – мисс Тилл выходит из лаборантской и ставит на стол органайзер с канцелярскими принадлежностями.

Она опускает экран, выключает свет, и я снова кошусь влево, наблюдая, как новенький, насупившись, смотрит вперед. Интересно, его официально приняли? У него есть расписание? Он вообще собирается представиться учителю? Я уже начинаю сомневаться, настоящий ли он, но сдерживаюсь, хоть и ловлю себя на желании протянуть руку и дотронуться до него. Я что, единственная, кто заметил, что он вошел в класс?

Мисс Тилл начинает приводить примеры рисования прямыми линиями, а я тем временем замечаю, что Трей оторвал кусочек бумаги от страницы в моем альбоме.

– Мэнни, – шепчет он, сворачивая бумажку в шарик и кидая комочек размером с горошину прямо в голову Кортесу. – Эй, Мэнни, мода на эмо давно прошла, чувак. Или твоему парню нравится, как ты выглядишь? – Трей и его друг тихонько хихикают, но Мэнни сидит как изваяние.

Трей сворачивает еще один шарик, и чувство вины гложет меня сильнее, чем раньше.

– Эй, мужик. – Трей бросает в Мэнни бумажный шарик, тот ударяется о черные волосы и скатывается на пол. – Мне нравится твоя подводка. Одолжишь ее моей девушке?

Краем глаза я замечаю движение слева и вижу, что ладонь новенького на парте сжалась в кулак.

Трей кидает еще одну бумажку, на этот раз сильнее.

– Ты хоть не забыл, где у тебя член, педик?

Я вздрагиваю. *Господи.*

В мгновение ока новенький встает из-за парты и хватается за спинку стула Мэнни. Я замороженно смотрю, как он перетаскивает стул вместе с Мэнни и ставит так, чтобы самому оказаться между нами и эмокидом. Потом быстро подходит к старому месту Мэнни, забирает его тетрадь и коробку карандашей и кладет на стол перед своим новым соседом по парте.

Мое сердце начинает бешено колотиться. Я сильно сжимаю зубы, стараясь скрыть потрясение. *О боже.*

Все ученики поворачивают головы в нашу сторону, чтобы следить за развитием событий, а новенький тем временем успевает плюхнуться обратно на свое место, ни слова не сказав и не удостоив никого даже взглядом. Он по-прежнему зол. Мэнни тяжело дышит, все его тело вытянулось по струнке от того, что только что произошло, а Трей с другом молча и пристально смотрят на новенького парня.

– Наверное, педиков тянет друг к другу, – едва слышно шепчет Трей.

Я краем глаза смотрю на новенького. Он наверняка все слышал. Но он спокоен как танк. Только мышцы рук напряжены, а зубы плотно сжаты.

Он ясно дает нам понять, что мы его разозлили. Никто никогда так не делает. Никто никогда не бросает мне вызов.

Трей больше ничего не говорит, и оставшуюся часть урока класс время от времени оборачивается на нас, пока учительница молчит. Я пытаюсь сконцентрировать внимание на ее указаниях, но у меня не получается. Я чувствую, что он рядом, и хочу смотреть на него. Кто он, черт возьми, такой?

И тут вдруг меня осеняет. Старый склад. *Твою мать*.

Моргнув, я снова кошусь в его сторону. Да это же тот самый парень, с которым я фотографировалась на квесте несколько месяцев назад. У меня в телефоне до сих пор хранятся наши с ним фотографии.

Интересно, он меня помнит?

Это так странно. Я так и не опубликовала наши фото на странице, где нужно было их запостить. Распрощавшись с ним и его другом, я потом всю оставшуюся ночь искала его глазами в толпе, но так и не нашла. Стоило мне отойти от него, как он словно исчез.

Мисс Тилл заканчивает объяснение, и я провожу остаток урока, озираясь и рисуя какую-то бессмыслицу. До этого я целую неделю работала над одним проектом, но сейчас им

не занимаюсь, потому что не хочу, чтобы его видел Трей.

Это мой самый любимый урок, но на нем я чувствую себя беззащитнее всего. Искусство не мое призвание, хотя мне доставляет удовольствие что-то делать своими руками и заниматься творчеством, хоть на уроке, хоть в автомастерской. И я не провела бы пять месяцев в комнате с двадцатью ребятами, каждый из которых только и ждет удобного случая, чтобы заглянуть мне под чирлидерскую юбку просто так.

Я здесь не ради этого. Я делаю рисунок для Миши. Создаю обложку его первого альбома в качестве сюрприза на выпускной. Нет, он не обязан ее использовать, я этого не жду. Но, думаю, это его поразит, подбодрит, добавит мотивации.

Конечно, я не хочу, чтобы Трей видел обложку или задавал вопросы о ней. Он просто посмеется над тем, что я действительно люблю.

Никто не знает о Мише Лэйре, даже Лайла. Он мой, и это очень сложно описать словами... Даже пробовать не хочу.

К тому же, если я никому не расскажу, он не станет настоящим. И мне будет не так больно, когда я его потеряю.

А я его потеряю, если еще не потеряла. Все хорошее когда-нибудь заканчивается.

– Это он, – шепчет Тен мне на ухо, прежде чем сесть за обеденный стол со мной, Лайлой и Мел. – Тот самый парень, что разрисовывает стены школы.

Он поворачивает голову, протискиваясь между нами, смотрит вверх моей тетради с домашней работой по математике и поворачивается, приглашая проследить за его взглядом.

Новенький сидит за круглым столом в одиночестве. Ноги вытянуты и скрещены, руки сложены на груди. С шеи свисают черные провода наушников, на лице все то же недовольное выражение, что я видела сегодня утром. Он сосредоточенно смотрит на столешницу перед собой.

Я сдерживаю улыбку. Значит, он все-таки настоящий. Тен тоже его видит.

А потом мой взгляд падает на его правую руку. Она вся покрыта татуировками. В животе начинают порхать бабочки.

Я не заметила этого утром.

Может, потому, что сидела с другой стороны от него. Я не понимаю, что изображено на татуировках, но точно могу сказать, что в рисунок вплетен текст. Оглядев помещение, я замечаю, что многие смотрят на него так же, как и я. Любопытные взгляды исподлобья, тихий шепот...

Отвернувшись, я касаюсь бумаги карандашом и заканчиваю задание, которое получила сегодня утром, чтобы не тратить на него время вечером.

– Думаешь, это он тайком пробирается в школу? Почему ты так считаешь?

– Ну взгляни на него. По нему тюрьма плачет.

– Да, это достойный аргумент, – саркастично замечаю я,

продолжая писать.

Честно говоря, он выглядит не так уж плохо. Немного грязный, немного злой, но это не значит, что он преступник.

Я снова оборачиваюсь и смотрю на него, на секунду задерживая взгляд на лице... Твердый подбородок, уверенный взгляд темных глаз, изгиб линии носа и форма бровей, создающая ощущение, что он вечно чем-то недоволен... Он скорее похож на парня, который ответит кулаками на твой «привет», чем на человека, что исписывает текстами песен школьные стены.

И вдруг он поднимает глаза. Куда же он смотрит?

В сторону Трея. Тот что-то говорит директору Берроуз, когда она проходит мимо. Новенький за ними наблюдает.

– Он новичок? – спрашивает сидящая напротив меня Лайла, и я понимаю, что она его заметила. – На вид очень даже. Как его зовут?

– Мейсен Лоран, – отвечает Тен.

Я ничего не могу с этим поделать. Я повторяю про себя его имя, ищу его в памяти. Значит, именно это имя он не дал своему другу назвать мне тогда, на складе?

– Он был со мной утром на уроке физики, – объясняет Тен.

– И на моем первом уроке тоже, – добавляю я, переворачивая страницу в тетради и записывая условие следующей задачи. – Но он ничего не говорил.

– Что ты о нем знаешь? – спрашивает Лайла.

Я пожимаю плечами, не поднимая глаз.

– Ничего. Мне все равно.

С обеих сторон от Лайлы к нам за стол садятся Трей и Джей Ди и начинают жадно вгрызаться в свои сэндвичи.

– Привет, детка.

Трей прижимает ломтик жареной картошки к моему закрытому рту. Я выхватываю картошку и бросаю через плечо. Слышу, как они с Джей Ди смеются, и продолжаю делать домашку.

– Не думаю, что он вообще хоть с кем-нибудь разговаривал.

– Мистер Клайн задал ему вопрос по физике, а он просто промолчал.

– Кто? – спрашивает Джей Ди.

– Мейсен Лоран, – Тен показывает на новенького. – Он сегодня первый день в школе.

– Интересно, как он проникает в школу по ночам, – вполголоса добавляет Лайла.

Я роняю карандаш на стол и поднимаю глаза, непонимающе глядя на нее.

– Не надо его обвинять, пока не знаешь наверняка, что именно он устраивает этот вандализм. Мы пока ничего не знаем. Кроме того, он сегодня в школе первый день. А стены разрисовывают уже больше месяца.

Я не хочу, чтобы его напрасно в чем-то обвинили.

– Ладно, – огрызается Лайла, закатив глаза и отправляя

в рот ложку салата. – Интересно, как тот парень по ночам проникает в школу?

– Понятия не имею, – отвечает Тен. – Честно говоря, я вообще не думаю, что он выходит из школы. Тот, кто пишет на стенах, я имею в виду. Думаю, он остается в школе с вечера.

Джей Ди снова откусывает сэндвич.

– Зачем ему это делать?

– Потому что как еще можно обойти сигнализацию? – аргументирует Тен. – Подумай об этом. Двери школы открыты допоздна: занятия по плаванию в бассейне, факультативы, тренировки у спортивных команд, репетиторство... Он может уйти после уроков, поесть или что-то еще поделать и вернуться до того, как в девять вечера школу закроют. И тогда у него есть вся ночь. Может, он даже здесь живет. Атаки случаются практически каждый день, в конце концов.

Я дописываю решение последнего уравнения, медленно водя карандашом по бумаге. Интересное замечание. Как еще кто-то может обойти сигнализацию, если не прячется и не ждет, пока двери запрут?

Или если у него нет ключей и кода отключения сигнализации?

– У нас в школе нет бездомных детей, – подмечаю я. – Думаю, мы об этом знали бы. Наша школа, вообще-то, не такая уж и большая.

– Все, как ты и сказала, – реагирует Лайла. – Он только что появился, так что мы еще ничего о нем не знаем. – Я

вижу, что она смотрит поверх моей головы, и точно знаю, на кого. – Он мог уже целый месяц здесь ошиваться, не начиная учиться, и никто бы об этом не узнал.

– Кидаешься камнями в новичка в грязной одежде, у которого нет друзей? – парирую я. – Какие у него могут быть мотивы портить школьные стены? Ой, подождите. Я забыла. Мне же нет до этого дела.

И я снова склоняюсь над домашним заданием, вывожу заголовки и продолжаю:

– Мейсен Лоран не живет в школе. И не портит стены, шкафчики или что-либо еще. Он – новенький, ты – интриганка, и мне скучно продолжать этот разговор.

– Мы можем узнать, кто он такой, – встречается Трей. – Я могу пробраться в кабинет мачехи, посмотреть его личное дело и узнать, где он живет.

– О да, – соглашается Джей Ди.

Их зловещий тон меня нервирует. Трею все сходит с рук, думаю, не без участия его приемной мамочки – директора.

Я закрываю учебник и тетрадь и кладу их друг на друга.

– И какой мне интерес это делать? – улыбается Трей.

– А чего ты хочешь? Назови цену.

Я опираюсь локтями на стол и поворачиваю голову, оглядываясь на Мейсена Лорана. Его невозмутимость сбивает с толку. Он ведет себя так, будто вокруг никого не существует.

Все суетятся, проходят мимо, голоса летают над его столом, вот слева от него кто-то рассмеялся, а справа уронили

поднос, а он сидит словно в коконе. Снаружи идет жизнь, но ничто не нарушает спокойствия внутри.

Однако я чувствую, он в курсе всего, что происходит вокруг, хоть и никак не реагирует. Он знает все. По моим плечам пробегает холодок.

Я поворачиваюсь к Трею и делаю глубокий вдох, избавляясь от неприятного ощущения.

– Ты мне доверяешь?

– Нет, но я готов слегка приспустить поводок.

Джей Ди смеется, а я встаю из-за стола и задвигаю стул.

– Куда ты собралась? – спрашивает Лайла.

Я разворачиваюсь на месте и иду в сторону Мейсена, отвечая через плечо:

– Хочу услышать, как он разговаривает.

Подойдя к его столу, круглому, на четырех человек, в дальней части зала, я присаживаюсь на край и опираюсь руками на столешницу по бокам от себя.

Мои бедра оказываются перед его глазами, и он медленно поднимает взгляд вверх по моему телу и останавливается на лице.

Я слышу звуки барабанов и гитары из его наушников, но он продолжает сидеть на месте, только складка между бровями становится глубже.

Я протягиваю руки и аккуратно вынимаю из его ушей наушники, оглядываясь через плечо на друзей, которые внимательно наблюдают за происходящим.

– Они думают, ты бездомный, – говорю я, снова поворачиваясь к нему и замечая, как он переводит глаза с них на меня. – Но ты ничего не ешь и ничего не говоришь. Я думаю, ты привидение.

Я одариваю его озорной улыбкой, выпускаю из рук наушники и кладу руку ему на грудь. Его тепло моментально проходит через мою руку, и внутри все переворачивается.

– Ладно, забей, – добавляю я, продолжая монолог. – Сейчас я слышу сердцебиение. И оно ускоряется.

Мейсен просто смотрит на меня, будто чего-то ждет. Может, хочет, чтобы я исчезла, но пока не отталкивает.

Я убираю ладонь с его груди и снова облакачиваюсь на стол.

– Знаешь, а ведь я тебя помню. Ты был на том квесте в феврале. На складе в Тандер-Бэй.

Он все еще не отвечает, и я начинаю переживать, не перепутала ли я чего. Тот парень на вечеринке не был многословным, но, по крайней мере, под конец вел себя дружелюбно. Как можно заигрывать с кем-то, кто сидит с отрешенным видом и не реагирует?

– Ты любишь автомобильные кинотеатры, Мейсен? – спрашиваю я. – Тебя же так зовут? – Я опускаю глаза и начинаю крутить в руках его ручку, пытаясь казаться застенчивой. – Скоро распогодится, и можно будет открыть сезон. Может, как-нибудь захочешь зарулить туда со мной и моими девчонками. Не хочешь дать мне свой номер?

С каждым выдохом его грудь опускается все глубже. Он смотрит на меня, и все мое тело почему-то начинает тянуться к нему. Его глубокие зеленые глаза, в которых можно утонуть, полны неведомого мне огня. Гнев? Страх? Желание? О чем он, черт возьми, думает и почему никак не заговорит? Я проглатываю комок в горле, чувствуя, что скоро критическая точка будет достигнута и он сломается.

– Ты не любишь людей? – продолжаю напирать я. – Или, может, тебе не нравятся девушки?

– Мисс Треверроу! – слышу я строгий женский голос. Он принадлежит директору Берроуз. – Слезьте со стола.

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на нее, но внезапно руки обхватывают мою талию и стягивают со столешницы.

Охая от шока, я с размаху приземляюсь Мейсену на колени.

– Мне нравятся девушки, – шепчет он мне на ухо, и мое сердце бьется с такой силой, что становится больно.

Кончик его языка скользит вверх по моей шее, я застываю и начинаю дышать с бешеной скоростью. Тепло разливается по телу.

Черт.

– Но ты... – Его низкий голос и горячее дыхание обжигают нежную кожу на шее. – Ты на вкус просто отвратная.

Что?

А потом он встает, и я сваливаюсь с его коленей прямо на

пол. Выставляю вперед руки и приземляюсь на них.

Да какого дьявола?

Я слышу вокруг смешки и начинаю оглядываться. Несколько человек за соседними столами хихикают и глазуют на меня.

Стены словно сжимаются и грозятся раздавить. Я сгораю со стыда.

И мне не нужно поворачиваться, чтобы увидеть, что Лайла, скорее всего, тоже улыбается.

Вашу ж мать.

А потом я вижу, как Мейсен Лоран поднимает тетрадь с карандашом, вешает на шею наушники и молча выходит из столовой.

Мудак. Да что же с ним не так?

Я встаю, одергиваю юбку и иду обратно к своему столику.

Это не первый раз, когда все смеются надо мной. Но он будет последним.

Глава четвертая

Райен

– Я собираюсь в «Банана Репаблик». – Ко мне подлетает Тен и обхватывает сгибом локтя за шею. – Пойдешь со мной?

Я качаю головой и поворачиваю налево, спускаясь в холл.

– Мне надо домой. Сегодня моя очередь готовить ужин.

Школа почти пуста. Мы только что закончили тренировку, но пока все остальные принимают душ, переодеваются, приводят себя в порядок и готовятся к вечерним похождениям, я все еще стою в шортах, спортивном лифчике и майке. Просто хочу выбраться отсюда. Этот день выбил меня из колеи, и мне нужно собраться с мыслями.

Этот новенький, Мейсен, – крепкий орешек. Мне пришлось выключить телефон, чтобы уведомления «Фейсбука» не мешали обедать. Слава богу, никто не успел сфотографировать, как он сбросил меня и я приземлилась задницей прямо на голый пол в столовой. Хотя это не помешало Лайле запостить мем с шуткой на эту тему и отметить на нем меня.

Конечно, она «всего лишь пошутила».

Черт с ней. Сейчас мне нужно домой.

Алгебру я успела сделать за обедом, но у меня остались кое-какие задания по литературе и обществознанию.

– Ух ты. Это твое? – слышу я голос Тена.

Я смотрю в другой конец коридора и вижу кучу вещей,

разбросанных по полу. Прямо там, где расположен мой шкафчик.

Тен отпускает меня, и мы оба бежим туда, где заметили беспорядок. Дверца моего шкафчика открыта настежь и погнута, как будто ее открывали чем-то типа лома.

Какого черта?

Я опускаюсь на колени и, хватая ртом воздух, перебираю свою одежду, айпод и гору бумаг, вываленных из папок, по которым они были аккуратно разложены раньше.

– Что здесь, блин, произошло? – взрывается Тен. – Что-нибудь не хватает?

Я еще шире открываю дверцу шкафчика и проверяю остатки его содержимого. Маленькие розовые полочки и лампа сверху, которую я специально устанавливала, – на месте, как и зонтик и флисовый жакет, который я держу здесь на всякий случай. Я снова приседаю и разглядываю все остальное на полу: все мои книги на месте, лабутены и футболки, что я прячу от мамы, – тоже.

– Вроде все здесь, – затаив дыхание, говорю я, все еще растерянная.

Какой смысл вскрыть шкафчик и ничего из него не взять?

Я нервно озираюсь. Насколько вижу, ни один другой шкаф не тронули.

– Интересно, что бы это могло значить, – говорит Тен.

– Что? – я поднимаю глаза и следую за его взглядом.

Он закрывает дверцу моего шкафчика, показывая слово,

написанное черным маркером на внешней ее стороне.

Пустота.

Я смотрю на него и понимаю, что окончательно запуталась. *Что это?*

Дышать становится тяжелее. Я пытаюсь покопаться в памяти и найти ответ на вопрос о том, что же со мной происходит.

Пустота? И почему только мой шкафчик?

Я собираю все свои вещи и складываю в спортивную сумку, ошарашенная самой мыслью, что, пока я была на тренировке, кто-то все это сотворил. Сейчас приемная директора закрыта, но утром я обязательно пожалуюсь.

Надев черный флисовый жакет, я вместе с Теном выхожу на парковку и сажусь в машину. Он запрыгивает в свою. Я немедленно запираю двери.

Надо будет завтра потребовать новый шкафчик. Нельзя же каждый день таскать на себе столько вещей. Даже если до окончания школы осталось всего-то чуть больше месяца.

Черт побери. Кто стал бы рыться в моих вещах? Я нравлюсь далеко не всем. Если честно, Тен – единственный человек, у которого нет повода портить мне жизнь. Но сразу навскидку сказать, кто это мог быть, я не могу.

А что, если это случится снова?

Я быстро еду к себе, заезжаю на дорожку около дома, ставлю машину в гараж и вижу, что дома никого нет: машины остальных членов семьи отсутствуют. Сестра, вероятно, еще

на занятиях, а мамина машина запаркована на стоянке аэропорта и ждет ее завтрашнего прилета.

Я опускаю взгляд на экран телефона и отправляю быстрый ответ на сообщение, которое она прислала уже довольно давно.

– *Я завтра буду дома поздно. Чирлидинг... плавание... – пишу я.*

– *Окей. Ужин будет на столе, – отвечает она. – Не забудь завтра взять с собой побольше еды.*

Да-да. Я убираю телефон в сумку. Пару вечеров в неделю я остаюсь в школе допоздна: сначала тренировка по чирлидингу, потом сама веду занятия по плаванию еще пару часов. У меня есть небольшой перерыв между тренировками. Я трачу его на еду, потому что домой к ужину не успеваю, и на домашнюю работу.

Закрыв за собой ворота, подхватываю сумку, захожу в кухню прямо через гараж, достаю из холодильника бутылку воды и бегу вверх по лестнице.

Нужно принять душ, тогда я почувствую себя лучше.

У меня давно не было такого плохого настроения, как сегодня: сначала этот эпизод в столовой, потом то, что случилось со шкафчиком... Надо мной не смеются. И не таким парням, как Мейсен, ставить меня на место.

Я не позволю ему проникнуть мне в голову, как позволяла другим много лет назад. Теперь я сильнее.

Я открываю дверь спальни, вхожу, и сумка падает у меня

из рук.

Какого черта?!

– Что ты здесь делаешь? – кричу я.

Мейсен, наш новенький, сидит на моем рабочем кресле, облокотившись на спинку и заложив руки за голову. Я слышу музыку, поэтому смотрю на станцию айпода и вижу, что он включил «Stupid Girl» группы Garbage.

Усмехнувшись, он пристально смотрит на меня. У него такой беспечный вид, как будто не он вломился ко мне домой и расселся там, где его не должно быть.

– Алло! – ору я. – Что ты делаешь в моей комнате, придурок?

Медленно выдохнув, он поднимает голову.

– Сначала я пришел в спальню, как понял, твоей сестры. Эта показалась мне больше похожей на твою. А то там розово-принцесское дерьмо с постельным бельем под зебру.

Я быстро закрываю дверь, потому что не хочу, чтобы сестра, когда придет, увидела, что он здесь.

– Как ты сюда попал?

Он игнорирует мой вопрос и продолжает:

– Как бы то ни было, над изголовьем кровати фиолетовыми неоновыми лампами было написано не твое имя. – Он начинает хохотать, видимо, над недалекими декораторскими способностями моей сестры и встает. – Райен, верно? – спрашивает он, осматривая мою комнату. – Должен сказать, это совсем не то, что я ожидал увидеть.

Да я совсем не такая, как ты думаешь, кретин.

– Пошел вон.

– Попробуй меня выгнать.

Я сжимаю руки в кулаки.

– Как ты сюда попал?

– Через парадную дверь. – Он делает шаг мне навстречу. –

Так где они?

Я недоуменно свожу брови.

– Где что?

– Мои вещи.

Улыбка исчезает с его лица, остается только оскал.

Его вещи? О чем он говорит?

– Убирайся! – кричу я. – Понятия не имею, о чем ты говоришь!

– О, да ты нервничаешь.

– Думаешь?! – отвечаю я. – Я не люблю, когда ко мне в дом врываются странные парни, и совершенно не переношу, когда кто-то приходит ко мне в комнату.

– Мне плевать, – со скучающим видом отвечает он. – Ты забрала кое-что, принадлежащее мне. Две вещи, если точнее. Я хочу получить их обратно.

– Нет, я ничего не забирала. А теперь убирайся!

Он заводит руку за спину, достает что-то из заднего кармана джинсов и поднимает вверх. Я белею, желудок завязывается узлом.

Черт. Мой дневник.

Большая тетрадка с обложкой из белой кожи, полная мыслей и сожалений, которые я выплескивала на бумагу на протяжении последних трех лет. Вещь, которую никто не должен был видеть. Никогда. Любая гадость, которую я когда-либо думала о себе, семье, друзьях, каждая крамольная мысль, которую никогда бы не озвучила, записана в этой тетрадке.

Как он ее нашел?

– Идея с тайником под матрасом не так уж нова, понимаешь, – говорит он. – И да, я его немного почитал. И еще немного. А потом еще немного.

Пuls отдается в ушах, я сдерживаю крик, который так и рвется из горла.

Я набрасываюсь на него.

Хватаю дневник, но он отталкивает меня, и я падаю спиной на кровать. Он ложится сверху.

Я кричу и плачу, пытаюсь вырвать у него тетрадку.

Он протягивает руку, и через мгновение ножницы со стола уже направлены мне в лицо. Я застываю, глядя на кончик лезвия.

– Не бойся, – зловеще усмехается он. – Я побеспокоюсь о том, чтобы он не попал в руки твоей матери. Я вырву из него каждую страницу и расклею их по всей школе, так что слушай и запоминай, тупая шлюха. Я уже с тобой наговорился и достаточно на тебя насмотрелся. Я хочу вернуть медальон и клочок бумаги, что ты забрала в Бухте.

– В Бухте? – Под весом его тела мне тяжело дышать. –
Что?..

О чем он говорит?

И тут меня осеняет. В Бухте. Вчера ночью. Клочок бумаги.
Я хочу их лизнуть, пока они пахнут тобой.

А сегодня...

Ты на вкус просто отвратная.

Я смотрю на него в недоумении.

– О боже.

Это была его комната?

Я тогда не ошиблась. Там, в туннеле, был кое-кто еще. Он
видел нас.

И тут мои глаза расширяются. Это он вскрыл мой шкаф-
чик! Именно поэтому оттуда ничего не пропало. Он не на-
шел то, что искал.

Он бросается ко мне и щелкает ножницами. Я вздрагиваю.
Он отводит ножницы, и я вижу, как несколько моих свет-
ло-русых волос медленно падают на постель.

– Прекрати! – воплю я. – Я не... я...

Его прищуренные темно-зеленые глаза угрожающе смот-
рят на меня, он прожигает меня взглядом.

Зарывав, я вытаскиваю из-под подушки сложенный по-
трепанный листок бумаги.

И прижимаю его к его груди.

Он забирает страницу.

– А теперь медальон.

– Я не брала никакой медальон! – кричу я. – Только стра-
ницу.

Он снова наводит ножницы на мои волосы, и я кричу.

– Проклятье! Я же тебе сказала! Я не брала его! Он...

Тен. Со мной был Тен. Это он его взял.

Черт.

– Что? – рычит на меня Мейсен, видимо, заметив по мо-
ему лицу, что я поняла, в чем дело.

Я жадно втягиваю воздух.

– Со мной был друг. Я верну твой медальон. Хорошо? Я
заберу его. А теперь отвали от меня!

Он останавливается и пристально смотрит на меня. В кон-
це концов он спрыгивает с кровати, швыряет ножницы на
стол и убирает стихотворение в карман.

Я вскакиваю, собираю волосы в хвост и нахожу прядь, ко-
торую он отрезал. Всего-то пара сантиметров от нескольких
волосков.

Я злобно смотрю на него.

– Мудак.

– Завтра, – заявляет он, никак не реагируя на оскорбле-
ние. – На парковке после уроков. – А потом он снова берет
мой дневник. – Я оставлю его себе в качестве залога.

– Нет. Я тебе не доверяю.

– Да что ты понимаешь, куколка? – Он улыбается. – У нас
есть кое-что общее. Я тоже тебе не доверяю. – Он сворачи-
вает тетрадь в трубочку и сжимает в кулаке. – А теперь не

трать больше мое время. До завтра.

Я скрежещу зубами, глядя, как он направляется к двери. Он останавливается в дверном проеме и разворачивается, бросая прощальный взгляд на мою комнату.

– Знаешь... А мне правда нравится твоя комната, – озвучивает он свои мысли. – Может быть, если бы в школе ты была такой же, как дома, люди меньше обсуждали бы тебя за твоей спиной.

Выходя, он захлопывает дверь. На мне нет лица.

Я смотрю на слово, написанное мелом на внутренней стороне двери большими буквами. Я этого не писала.

Притворство.

* * *

Следующим утром я отношу в приемную заявление о том, что мой шкафчик испортили, собираю все нужные подписи и отправляюсь к шкафчику Тена. Ученики заполняют холл. Держа в подмышке книги, я поворачиваюсь лицом к стене, чтобы не привлекать внимания.

– Он у тебя? – спрашиваю я, не здороваясь.

Он выглядывает из-за дверцы шкафчика и вздыхает. Он немного смущен. Я написала ему вчера вечером, чтобы он сегодня принес медальон.

Запустив руку в карман длинных шорт, он вытаскивает за длинную цепочку круглую серебряную подвеску.

Я забираю ее у него и сразу испытываю облегчение: то, что нужно этому кретину, теперь у меня. И я точно смогу вернуть дневник.

– Зачем ты его взял? – резко спрашиваю я.

Он что, думал, медальон будет круто смотреться с футболками J. Crew?

Но Тен только пожимает плечами.

– Он выглядит как антикварный. Подумал, может, стоит больших денег.

Я убираю медальон в карман.

– Клептоман.

– А откуда ты, кстати, знаешь, что я его взял?

Откуда-откуда... Оттуда, что новенький, который, как выяснилось, ошивается в заброшенном парке развлечений, вломился ко мне в спальню, отрезал клочок волос и грозился выдать всем мои тайные мысли обо всех моих друзьях, если я его не верну.

Но не рассказывать же об этом Тену.

– Увидимся за обедом, – говорю я, пропуская мимо ушей его вопрос и направляясь в сторону кабинета искусства.

На ходу достав из кармана медальон, я переворачиваю его и внимательно рассматриваю старое витиеватое серебряное обрамление крупного лунного камня посередине. Тен прав. Он похож на антикварный. На нем есть несколько царапин, но металл более толстый и твердый, чем у обычных украшений из супермаркета.

Почему эта подвеска так много значит для Мейсена Лорана? Медленно поднимаясь по лестнице, я открываю медальон. Крики и смех вокруг превращаются в далекое эхо.

Как только я открываю крышку, брови невольно ползут вверх: передо мной не фотографии, как ожидала, а крошечный сложенный кусочек бумаги.

Я достаю его, разворачиваю и читаю:

Здесь не на что смотреть. Закрой глаза.

Я иду медленно-медленно, почти останавливаюсь, глядя на записку и повторяя про себя ее текст.

Слова кажутся знакомыми, как будто я где-то уже их слышала. Или говорила... Не знаю.

Звучит второй звонок, предупреждение, что занятия начнутся через минуту. Так что я складываю бумажку, убираю ее в медальон и закрываю его.

Вокруг меня народ мечется вверх-вниз по лестнице. Я бегу к нужному кабинету, на ходу убирая кулон в карман джинсовых шорт.

Кому принадлежит этот медальон? Члену семьи? Подружке? Может, он украл его? Он живет в Бухте, в конце концов, и, судя по тому, в каком состоянии его руки и джинсы, родители не особо следят за тем, что происходит с сыном. Возможно, у него совсем нет денег, и, раз уж он смог войти в мой дом, не оставив на двери ни единой царапины, уверена, он делал подобное раньше.

Мне очень хочется разыскать его прямо сейчас и вернуть

свой дневник, но мои записи, скорее всего, у него в шкафчике или в машине. Кроме того, я ему не доверяю, и не факт, что у меня получится быстро и незаметно проверить с ним обмен. Тогда на меня будут показывать пальцем из-за того, что я разговариваю с тем странным парнем, который вчера уронил меня прямо на задницу. Я не хочу, чтобы нас с ним снова видели вместе.

И, к счастью, сегодня на занятии по искусству я его не наблюдаю. Может, он забросил этот предмет.

Или – и тут мое сердце немного падает – его сегодня нет в школе. В глубине души зарождается беспокойство. Меня не радует перспектива снова возвращаться на ту свалку и искать его. Я получу назад свою тетрадку.

После искусства я иду на английский с текстом, тетрадь и копией «Лолиты» в руках. И, как только захожу в класс, вижу его: сидит в левом от меня ряду, на одну парту дальше.

Я ощущаю одновременно и облегчение, и легкое раздражение. Вчера его не было на этом предмете. Он собирается появляться время от времени и на остальных моих уроках?

Но он, кажется, меня не видит. Прямо как вчера на искусстве, просто сидит на месте и с хмурым видом пялится вперед, как будто ему неудобно здесь находиться.

Я сажусь на свое место и вдруг обращаю внимание, что его джинсы и футболка сегодня чистые.

Мистер Фостер включает проектор, и экран его ноутбука появляется перед всем классом на большой белой доске.

Он ходит между рядами и раздает проверенные сочинения. Звенит последний звонок, разговоры в классе затихают, но народ продолжает шептаться, пока учитель ходит между рядами.

– Я рискну задать вам каверзный вопрос, – говорит мистер Фостер, останавливаясь у моей парты. В руках он держит мою работу и смотрит прямо на меня. – Вы самую книгу-то читали или только рецензии?

Я слышу, что кто-то усмехнулся у меня за спиной, и улыбаюсь: без сомнения, это Джей Ди.

– Вы просили проанализировать сюжет, так что я посмотрела фильм, – объясняю я, выдергивая у него из рук свою работу по «Анне Карениной». – Осторожно, спойлер: там очень много обнаженки.

В классе раздаются смешки, я чувствую, как кровь вновь течет по венам, и наконец отхожу от легкого вчерашнего унижения.

Мы с мистером Фостером вечно сталкиваемся лбами, и если искусство – мой любимый предмет, то мистер Фостер – мой любимый учитель. Он заставляет нас высказывать собственное мнение. А еще это один из немногих взрослых, разговаривающих с учениками на равных.

– Я просил сделать анализ *романа*, Райен.

– И я попыталась, – говорю ему я. – Честно. Но он нагонял на меня какую-то бессмысленную тоску. Чему он должен меня научить? Тому, что, будучи женщиной в России девятна-

дцатого века, не нужно изменять мужу, иначе тебя изгонят из светского общества и доведут до того, что ты бросишься под поезд? – Я сажусь на свое место. – Я усвоила урок. Когда в следующий раз окажусь в России девятнадцатого века, я об этом не забуду.

Я снова слышу хихиканье Джей Ди за спиной. В других концах класса тоже раздаются смешки.

Но мистер Фостер пристально смотрит мне в глаза и понижает голос до шепота.

– Я знаю, что ты можешь лучше, – говорит он.

Я читаю в его глазах мольбу. Понимаю, какого он высокого мнения о моих интеллектуальных способностях и как его злит, что я не использую их по максимуму.

Он отходит от меня и направляется к следующему ученику, но продолжает разговаривать со мной.

– Прочитай «Джейн Эйр» и напиши по ней эссе на ту же тему, – требует он.

Мне стоило бы молча принять наказание и быть благодарной, что он дает мне второй шанс, а не ставит в журнал тройку за сочинение по «Анне Карениной». Но я не могу заставить себя перестать препираться.

– А можно я прочитаю что-нибудь, написанное хотя бы не больше века назад? – спрашиваю я. – Что-нибудь такое, где мужчина среднего возраста не превращает восемнадцатилетнюю девушку в наложницу?

Он поворачивает голову и строго смотрит на меня.

– Думаю, мисс Треверроу, вы уже достаточно побыли в центре внимания всего класса.

– А вообще, – продолжаю я, – я заметила тенденцию в этом семестре. «Анна Каренина», «Лолита», «Девушка с жемчужной сережкой», «Джейн Эйр»... Все это – истории любви мужчин в возрасте к молодым женщинам. Вы ничего не хотите рассказать нам, мистер Фостер? – Я дважды моргаю, посмеиваясь над пожилым учителем.

Класс разражается громким смехом, и я вижу, как поднимается грудь мистера Фостера, – он делает глубокий вдох.

– Я хочу, чтобы работа была готова к завтрашнему дню, – говорит он. – Вы меня поняли?

– Абсолютно, – отвечаю я, а потом бормочу себе под нос: – У «Джейн Эйр» куча экранизаций.

Ребята, сидящие ближе ко мне, тихонько смеются, потому что, разумеется, я не смогу прочесть целый роман и написать по нему работу до завтра, учитывая, что вечером у меня еще чирлидинг и плавание. Я закругляюсь с насмешками. Я довольна своей победой. По крайней мере, в их глазах это победа.

Мои легкие наполняет чистый прохладный воздух.

– А как насчет «Сумерек»? – спрашивает кто-то.

Я замираю, услышав низкий голос из-за спины. Мистер Фостер стоит перед своим столом и смотрит куда-то поверх моей головы.

– «Сумерек»? – переспрашивает он.

– Да, куколка? – подначивает меня Мейсен. – Тебе понравились «Сумерки»?

Сердце начинает биться сильнее. Что он делает?

Я поворачиваюсь и смотрю на него скучающим взглядом.

– Конечно. Мне было двенадцать, еще бы мне не понравилось. А тебе как?

Он улыбается уголками губ, и я снова обращаю внимание на пирсинг.

– Могу поспорить, ты просто влюбилась в эту книгу, – говорит он, и весь класс внимательно его слушает. – Бьюсь об заклад, именно благодаря ей ты полюбила чтение. Я даже готов поставить на то, что ты была в кино на премьере. А футболка с Эдвардом, кстати, у тебя есть?

Вокруг меня снова начинают хихикать, и все удовольствие от недавней победы испаряется без следа под пристальным взглядом его злорадных глаз. Откуда он все это знает?

Да, когда-то очень давно я купила томик «Сумерек», потому что на обложке был Роберт Паттинсон, но, блин, мне же было всего двенадцать, так что...

Едва закончив читать первую книгу, я попросила маму купить мне все остальные и следующие две недели провела, читая их взахлеб в любую свободную минуту.

Поднимая бровь, я смотрю на учителя.

– Это, конечно, очаровательно, что у нас завязалась дискуссия, но я так и не поняла, что имеется в виду.

– Имею смелость напомнить, – отвечает Мейсен, – что Эд-

вард был старше Беллы лет так на сто.

На восемьдесят шесть.

– Видишь ли, – продолжает он, – ты считаешь истории о любви взрослых мужчин и юных девушек каким-то нездоровым, легкомысленным извращением со стороны первых. А на самом деле в то время это было довольно распространено. Прежде чем заводить жену, мужчина должен был завершить образование и построить карьеру, чтобы быть в состоянии обеспечивать женщину.

Он делает небольшую паузу, а затем продолжает.

– А жена почти всегда была намного моложе, потому что перед ней стояла задача выносить детей. Таковы устои общества. И твой любимый Эдвард Каллен, между прочим, в почти вековом возрасте все еще учился в старшей школе, жил с родителями и пытался мало-мальски встать на ноги, хотя на дворе был двадцать первый век.

Весь класс разражается смехом, а у меня внутри что-то падает.

Краем глаза поглядывая на Мейсена, я наклоняюсь к следующей парте передо мной и шепчу:

– Но он же такой сексуальный, а значит, остальное не имеет значения, правда?

Я продолжаю смотреть вперед, а желудок все сильнее и сильнее завязывается узлом. Конечно, Эдвард был старше Беллы на несколько десятков лет. Но при этом выглядел-то он прекрасно. Да и что он мог поделать, если она в него влю-

билась?

Мейсен продолжает идти в наступление.

– А теперь представь, что он выглядел бы как столетний дед, – восклицает Мейсен, поднимаясь с места. – История уже не казалась бы такой романтической, правда? Тогда не было бы никаких Беллы и Эдварда. – Он подходит к доске, обходит учительский стол и жестом показывает на ноутбук. – Можно?

Учитель кивает. Он выглядит настороженно, но позволяет Мейсену закончить.

Мейсен наклоняется, и я специально не смотрю, что он забивает в поисковик. Но когда вокруг снова слышится смех, причем еще громче, чем в прошлый раз, я сдаюсь и поднимаю глаза.

То, что вижу на экране, приводит меня в такую ярость, что я сжимаю кулаки.

С экрана нам улыбается огромное изображение старика. Его лицо изъедено морщинами, у него не хватает зубов, а лысину окаймляют отдельные клочки седых волос, и такие же седые волосы торчат из носа. Я пристально смотрю на Мейсена. Его губы скривились в усмешке.

– Старикашка Эдвард – счастливый парень, – злорадствует он. – Перед ним вот-вот предстанет обнаженная Белла.

– О да! – вскрикивает Джей Ди, и класс погружается в полнейший хаос. Ребята всюю хохочут, а я чувствую, что стены словно сжимаются вокруг меня. Пространство резко схло-

пывается, объем легких уменьшается вместе с ним, и сделать вдох становится куда сложнее.

Я крепко сжимаю зубы. *Вот урод.*

Мейсен скрещивает руки на груди и смотрит на меня как хищник, что уже загнал добычу и вот-вот приступит к трапезе.

– Мои поздравления, куколка, – говорит он. – Ты только что напомнила нам всем, что мы любим *исключительно* глазами.

* * *

На шее выступает холодный пот. Я выбегаю из класса так быстро, как только могу, и бросаюсь в женскую раздевалку. Легкие сдавливают все сильнее. Проношусь мимо девочек, которые переодеваются на физкультуру, заскакиваю в одну из душевых, задерживаю занавеску и включаю воду.

И делаю шаг влево, чтобы не облиться. Звук текущей воды защищает меня от любопытных ушей. Я достаю из кармана ингалятор, нажимаю на него два раза подряд и прислоняюсь к стене душевой кабины, закрыв глаза.

Четыре года. У меня не было приступов из-за паники четыре года. Они всегда только от физических нагрузок. Объем легких постепенно приходит в норму. Я медленно дышу и пытаюсь успокоиться.

Да что, черт возьми, со мной не так? Этот парень не пред-

ставляет никакой угрозы. Он не та проблема, с которой бы я не справилась. Значит, он бросает мне вызов. Ну и что? Я буду психовать каждый раз, когда он попытается довести меня? Рано или поздно я уеду из уютного и безопасного Фэлконс Уэлл, и больше не надо будет поддерживать имидж популярной девочки-лидера. Я веду себя как ребенок.

Но на одно мгновение там, в классе, у меня в глазах все же потемнело. Мир стал съеживаться, словно я иду спиной вперед вглубь туннеля, а свет остается далеко впереди. Свет – Мейсен, мистер Фостер, одноклассники – непреклонно слабел, а темнота пожирала комнату. Я чувствовала себя совершенно одинокой.

Совсем как раньше.

– Итак, внимание! – восклицает мисс Уилкенс, моя учительница в четвертом классе. Мы все выстроились в линию у двери кабинета. – Если вы остаетесь здесь на время перерыва, никаких разговоров. Вы работаете. – Она поднимает на нас глаза. – Все остальные... могут идти.

Первый человек в шеренге толкает дверь, и все бросаются во двор, на детскую площадку.

Одни бегут играть в мяч, другие – на турники, несколько человек просто бродят вокруг асфальтовой площадки и пытаются придумать, чем себя занять.

Все проходят мимо меня. Я замедляю шаг и с тяжелым сердцем смотрю, как они сбиваются в группки и начинают

играть. Ярко светит солнце. Я медленно прохожу в середине всеобщей кутерьмы и неуверенно осматриваюсь, не зная, куда пойти и с кем заговорить.

Так бывает каждый день.

Девочки весело подбегают к другим девочкам и принимаются болтать. Мальчики играют с другими мальчиками, перекидываются мячом, лазают по лестницам и турникам. Некоторые ребята из класса сидят на траве и играют в игрушки, которые принесли с собой в школу. Все легко находят себе компанию.

Но на меня даже никто не смотрит.

Я плетусь по площадке, желудок завязывается узлом. Ненавижу перерыв. Лучше бы я осталась в классе, пораскрашивала раскраски, писала бы в дневник или поделала еще что-нибудь.

Но я хочу, чтобы они знали, что я тоже здесь, чтобы они меня увидели.

Мне не нравится, что обо мне все забыли.

Я поглядываю на Шеннон Белл и еще нескольких девочек из класса. У них всегда такая крутая красивая одежда. Почему у меня никогда не получается так хорошо выглядеть? Я поправляю свою юбку до колена и рубашку поло. Выгляжу как хорошая девочка. Мама всегда собирает мне волосы в хвост, а я хочу завивать их, как они.

Облизав губы, я проглатываю огромный ком в горле и направляюсь к ним.

– Привет, – выдавливаю с огромным трудом.

Они замолкают и с непроницаемым видом смотрят на меня. Я показываю рукой на Шеннон.

– У тебя классный лак для ногтей.

На самом деле это не так. Он отвратительного желтого цвета, но мама говорит, что делать комплименты – хороший способ завести друзей, так что...

Шеннон негромко усмехается. Ей стыдно перед подругачами, что я с ней заговорила. Она косится на них.

Я чувствую, как невидимая рука отталкивает меня от них. Они ведь хотят, чтобы я ушла, разве нет?

Но я давлю из себя улыбку и пробую снова.

– Эй, – говорю я другой девочке, глядя на ее туфельки. – У нас одинаковые туфли. – И перевожу взгляд на свои, как бы показывая ей.

Она смеется и закатывает глаза.

– Иу.

– Эй, девчонки, – одергивает подруг другая девочка, но они продолжают хихикать.

– А это что такое? – Шеннон показывает на оттопыренный карман моей юбки.

Мое сердце немного сжимается. Больше ни у кого в моем классе нет ингалятора, и, если они узнают, я буду выбиваться из общей массы еще сильнее.

– Это просто ингалятор, – негромко отвечаю я. – Я аллергик, и у меня астма. Ничего серьезного.

Я не поднимаю глаза, потому что боюсь увидеть, как они переглядываются, и поджимаю губы, чувствуя, что к глазам подступают слезы. Почему у меня не получается быть такой же крутой, как они?

– Как думаешь, Кори Шульц симпатичный? – вдруг спрашивает Шеннон.

Я моргаю и готовлюсь защищаться.

– Нет, – быстро отвечаю я.

Кори Шульц – наш одноклассник, и на самом деле он милый, но я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что я так думаю.

– Ну а я думаю, симпатичный, – говорит она. – Мы все так считаем. Ты с ним поссорилась?

Я поднимаю взгляд и качаю головой.

– Нет. Я просто... да, думаю, он все-таки симпатичный.

Девочка, стоящая за Шеннон, начинает хохотать, а Шеннон вдруг убегает куда-то в сторону баскетбольной площадки.

Сердце начинает биться быстрее. Она подходит к Кори и что-то шепчет ему на ухо, а потом он оборачивается, чтобы взглянуть на меня, и его лицо искажает гримаса отвращения.

Только не это.

Все начинают хохотать. Я разворачиваюсь и убегаю. Мне в спину кричат:

– Райен любит Кори, Райен любит Кори!

Я начинаю плакать. Слезы стекают по лицу, меня сотрясают рыдания. Я забегаю за угол школы и прячусь, чтобы они не видели моей истерики.

– А теперь-то что с тобой не так? – спрашивает, подходя, моя сестра-пятиклассница. Должно быть, она увидела, как я убежала.

– Ничего, – реву я. – Просто уходи.

Она злобно шепчет:

– Подружись уже с кем-нибудь. Тогда мама перестанет заставлять меня играть с тобой, и я смогу наконец спокойно играть с друзьями. Это что, так сложно?

Я реву еще громче. Она убегает. Стесняется меня. А я сама не знаю, что со мной не так.

Я вытираю слезы и иду в класс. Уверена, лицо у меня красное, как помидор, но никогда не поздно расставить на парте папки и спрятаться за ними, положив голову на столешницу.

Я тихонько вхожу в класс. Несколько человек, оставшихся делать домашнее задание, сидят за партами, а мисс Уилкенс – за компьютером, спиной ко мне. Я проскальзываю на свое место, достаю две больших папки и ставлю их на парту. Это мой щит. Потом опускаю голову и прячусь.

– Хочешь мне помочь? – слышу я голос.

Я смотрю направо и вижу: Далила что-то делает с папиросной бумагой на полу. Она протягивает мне маркер. У

нее грязь под ногтями, светлая челка свисает прямо на глаза. Она всегда остается в классе на время перерыва. В отличие от меня, она уже давно перестала пытаться с кем-то подружиться.

Я беру маркер, слезаю на пол и присоединяюсь к ней.

– Спасибо, – говорю я, глядя на нарисованную наполовину Эйфелеву башню высотой с меня.

Она улыбается, и мы вместе начинаем ее раскрашивать. Тяжесть в груди понемногу начинает уходить.

Она всегда вежливая и милая. Почему меня так заботит, что подумают другие девочки? Отчего я хочу дружить именно с ними?

Я пытаюсь вести себя мило, но этого всегда недостаточно.

А они противные, но их все равно все любят.

Почему?

Я наклоняюсь в душевой кабинке, опираюсь руками о колени и пытаюсь отогнать от себя воспоминания. Я уже давно не такая. У меня все хорошо. Я это переживу. Он всех повеселил, они посмеялись, у меня случился приступ удушья. Теперь я расслабилась и снова в норме. Просто в следующий раз нужно дать отпор. И я это умею.

Или просто его проигнорировать. В любом случае это не особо важно. Еще пара месяцев – и едва ли кто-то из этих людей будет для меня хоть что-то значить.

Чертовы «Сумерки». Как ему удалось настолько попасть в точку? Я вдыхаю и выдыхаю воздух, мышцы наконец до конца расслабляются. Мейсен Лоран постоянно на шаг впереди.

Я убираю ингалятор обратно в карман, выключаю воду и выхожу из кабинки, а затем и из раздевалки. Я уже опоздала на математику, но зато успокоилась и готова вести себя так, будто случая на английском не было вовсе.

Никто о нем ничего не говорит и не пишет. Мейсен Лоран еще ни для кого ничего не значит, и никто не считает меня недалекой девочкой-инфантом, которую он пытается из меня сделать.

Вообще никто.

Уроки тянутся безумно медленно, я еле высиживаю обед и оставшиеся занятия в тревожном ожидании, что все может пойти не так в любой момент. Как только звенит звонок с последнего урока, я тут же сбрасываю книги в шкафчик, хватаю сумку со всем необходимым для чирлидинга и плавления, тороплюсь покинуть школу и устремляюсь на боковую парковку.

– Райен! – окликает меня Лайла.

Но я не останавливаюсь.

– Сейчас вернусь! – бросаю я через плечо.

Она знает, что у нас скоро тренировка, и, видимо, удивлена, что я ухожу из школы.

Пересекая парковку, вижу, как ученики садятся в машины и заводят их. Я разглядываю толпу в поисках новенького.

Наконец вижу, как он выходит из черного пикапа. У него в руках ничего нет. Ни книг, ни папок, ничего.

Пока я иду к нему, замечаю, как его приветствует пара парней, а моя подруга Кейтлин подходит к нему, кокетливо проводя рукой по крылу его машины и строя из себя скромницу.

Мои надежды рушатся прямо на глазах. Он уже определенно влился в коллектив.

Замешкавшись, я наблюдаю, как она говорит с ним, прижимая к себе книги, смеется над какими-то его словами, а он смотрит на нее сверху вниз и кажется не более приветливым, чем со мной.

И почему мне это нравится?

Наверное, приятно осознавать, что он ведет себя так не только со мной. Он груб со всеми, кроме тех парней, что подошли к нему минуту назад.

Или, возможно, мне бы не понравилось, если бы он улыбнулся ей, а не мне, или...

Я делаю глубокий вдох, мое терпение на исходе. Не хочу, чтобы она видела, как мы с ним разговариваем, но мне нужно вернуть дневник.

Я подхожу к ним с гордо поднятым подбородком и на ходу киваю Кейтлин.

– Увидимся на тренировке.

Она замолкает, как будто ее застали врасплох. Я держусь за ручку сумки, висящей на плече, пристально смотрю на нее

и жду, когда она уйдет.

Она едва заметно закатывает глаза и удаляется, оставляя нас одних.

Не сомневаюсь, она уже побежала рассказывать все Лайле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.